

(См. фельетон «У статьи за пазухой» на стр. 4—5).

К Р О К О Д И Л

ТЕАТРАЛЫ ПОНЕВОЛЕ

Как сделать, чтобы зрители охотно шли в театр? Некоторые наивные люди утверждают, что надо ставить хорошие пьесы. Другие — что нужна хорошая реклама. Между тем ничего этого не требуется. Есть, оказывается, верный способ. Вот объявление, которое сочинила администрация сухумской пассажирской автотранспортной конторы:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Проводится до свидения всех рабочих и служащих, что в зарплату 10 февраля будет удержано: с водителей и кондукторов по 2 рубля с рабочих и служащих по 1 рублю. День уходит за театральные абонементы.

Впоследствии по этим абонементам будет организовываться коллективные посещения театра

Ну, а если вы все же по своему упрямству или недомыслию не пожелаете взять абонемент? Если вы хотите посещать театр по своей воле, а не по велению месткома? Тогда вам не выдадут зарплату. Можете идти объясняться с начальством. Тоже не хотите? Тогда не спорьте, становитесь в колонну сослуживцев — и шагом марш в театр! Солидно, торжественно, и театр в вашем родном городе не прогорит, что бы там на сцене ни творилось!

Директор Ужгинского леспромпхоза тов. Одегов и его главный инженер живут в просторных апартаментах. А они люди весьма расчетливые и платят из своего кармана не любят. Вот если бы государство за них платило!

Эта древняя, но привлекательная идея крепко врезалась в головы руководителей леспромпхоза, когда им напомнили, что за 9 месяцев прошлого года они уже задолжали государству за квартиры по полтора рубля (новыми деньгами). Идея нашла свое воплощение в следующем документе:

«Приказ по Ужгинскому леспромпхозу комбината «Сысолалес» пос. Лопью. № 343.

Построен 2-квартирный дом для директора и главного инженера... У вышепоименованных лиц часто бывают посетители из числа работников района, комбината и лесопунктов, где занимают частичную площадь.

Для правильного взимания квартирной платы

Выгодные гости

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Площади в прихожих комнатах директора и главного инженера по 12 кв. метров, квартирную плату не взыскивать с 1-го января 1960 года, с остальной жилой площади квартиру взимать по коммунальным ставкам в одинарном размере.

2. Выписку из приказа выслать начальнику комбината «Сысолалес» тов. Прокофьеву на утверждение.

ДИРЕКТОР УЖГИНСКОГО ЛЕСПРОМХОЗА ОДЕГОВ».

Начальник комбината тов. Прокофьев незамедлительно утвердил этот приказ. Видимо, из опасения, как бы тов. Одегов не издал новый приказ, в котором потребует выплатить ему «в одинарном размере» соответствующую мзду за проживание в своей собственной квартире.

Н. ИВАШЕВ,
А. МАТБЕЕВ

г. Сыктывкар, Коми АССР

ТОЧНЫЙ ПРОГНОЗ

Земля напоминала пересохший чурек. Давно бы следовало размочить этот чурек, но дождя не было и в помине. Забеспокоились колхозники: пропадет урожай, наверняка пропадет! И тут неожиданно на помощь пришел мулла.

— Хотите дождя? Пожалуй, будет вам дождь, — с готовностью пообещал он. А при этом разъярился, что требуется всего-навсего за белых барашков на небе принести в жертву белых барашков на земле. И

тогда все милостивейший за каждую каплю крови жертвенного животного откапает точно, как из пипетки, каплю небесной влаги.

И что бы вы думали? Нашлись-таки легковверные. К вечеру двор возле сакли муллы напоминал воскресный базар. Но самое удивительное было, пожалуй, не в том, что люди поверили мулле, а в том, что наутро действительно полил дождь. Да еще какой!

«Хорошо, что я послушал по радио сводку погоды», — посмеивался про себя мулла. Ибо он-то знал, что это «предопределение аллаха» делается самым обыкновенным бюро прогнозов, расположенным отнюдь не на небесах.

— Но почему же не слушали эту сводку другие? — поинтересуется читатель.

А это не так-то просто. В селении Нижние Мулбеки, Сергокалинского района, где происходило все вышеописанное событие, радио нет. Хочешь слушать — иди в соседний аул. Для работающих в колхозе такая прогулка, конечно, затруднительна. Зато у муллы свободного времени хоть отбавляй. Почему бы и не прогуляться с пользой? Благо районные руководители спокойно взирают на его предсказания погоды. У них они почему-то не вызывают неприятных осадков.

А. ТРУБНИКОВА
Дагестанская АССР.

Молния

Прочитав в газете «Московский метрополитен», что «человек 1,9 своей жизни проводит в помещении», потрясенный Крокодил отстучал в адрес редактора газеты В. Г. Филиппова телеграмму:

«Ошеломлен открытием тчк советую несмотря на острый дефицит времени хоть изредка бывать свежем воздухе».

Повесть о бедных влюбленных

Свидания начинаются обычно после шести, когда Нина, Вера или Люся прибывают к своим любимым во всеоружии непотроженной красоты: в сверкающих туфлях, в сверкающих клипсах и в фетровом ведерке, полном мудрей и локонов.

— О дорогая! — сказал Петя, увидев Люсю. — Куда мы пойдём?

— Пойдем на Арбат, в молодежное кафе «Ленинградское». Там более мы уже бывали там. Потанцуем, — предложила Люся.

В раздевалке гардеробщик тщательно пытался втиснуть в пальто подгулявшего гражданина. «Какие тут женщины! — восклицал посетитель. — Какие, черт возьми, красотки!»

Люся ревниво насторожилась, но, войдя в зал, тут же успокоилась. Гражданину грезилось: своих собутыльников он принял за красоток.

Где же, однако, музыка? Где беллизна столов? Никто из посетителей не играл в шахматы, не просматривал журналы. Посетитель пил и закусывал.

Петя пошел к администратору Валентине Ивановне выяснить возможности культурного отдыха.

— Мы хотели бы потанцевать. Нельзя ли попросить музыку?

— Не наматана!

— ?!

Очевидно, речь шла о пленке магнитофона.

— Кроме того, танцевать в кафе некультурно.

— О! — вырвалось у Пети, на этот раз в смысле удивления.

— Сейчас объясню. Что происходит во время танца? Вы обнимаете свою даму и начинаете шаркать ногами. Летит пыль. Куда? К вам в тарелку! Культурно? Нет!

Петя никогда не задумывался, куда летит пыль во время танцев. И вообще, должна ли она лететь, если пол чистый. Однако, взглянув себе под ноги, он решил не спорить...

— Может, журнальчик дадите? — Не выписываем. Есть газета «Советская торговля». Разойдетесь народ — положу на столики...

Наконец, ему дали шапки, весьма прозрачно намекая, что вечернее кафе не клуб, засиживаться нечего. И вообще у некоторых товарищей нет совести: они, видите ли, собираются жевать свои пирожные полтора часа!

Валентина Ивановна волновалась за «посадочные места». За них же волновался управляющий Фрунзенским трестом столовых товарищ Голстян, а также заместитель начальника главка предприятия общественного питания тов. Шевелев.

Посадочные места должны вращаться в денежном обороте, как столики спиритов! Выпил, закусил — повтори! Если нет, — катись!

Ну, а если посетитель не одержим такой деловитостью? Если он захочет поразмяться и потанцевать? Разгадать ребус в журнале? И, наконец, почему бы ему, отложив вилку, не послушать стихи поэта, которого столь любезно пригласила в кафе администрация?

Когда все это я высказала в главке, Иван Ильич Шевелев трагически замахал на меня руками:

— Что вы, что вы, дорогой товарищ! Стихи в кафе? Сроду этого не бывало. О танцах у нас и не говорю. Места не предвижу! То есть как это убрать из зала три столика?! А торговый план? Вы на клубы нажимайте, пусть молодежь там развлекается. Наше дело — нанормить. Кафе есть кафе, и незачем ему приклеивать ярлык «молодежного». Не было у нас таких кафе и не будет!

Было, Иван Ильич! Кафе «Ленинградское» на Арбате. И торговый план там выполнялся. И весело было. И чисто. И даже танцевали, без опасения, что пыль полетит в тарелки.

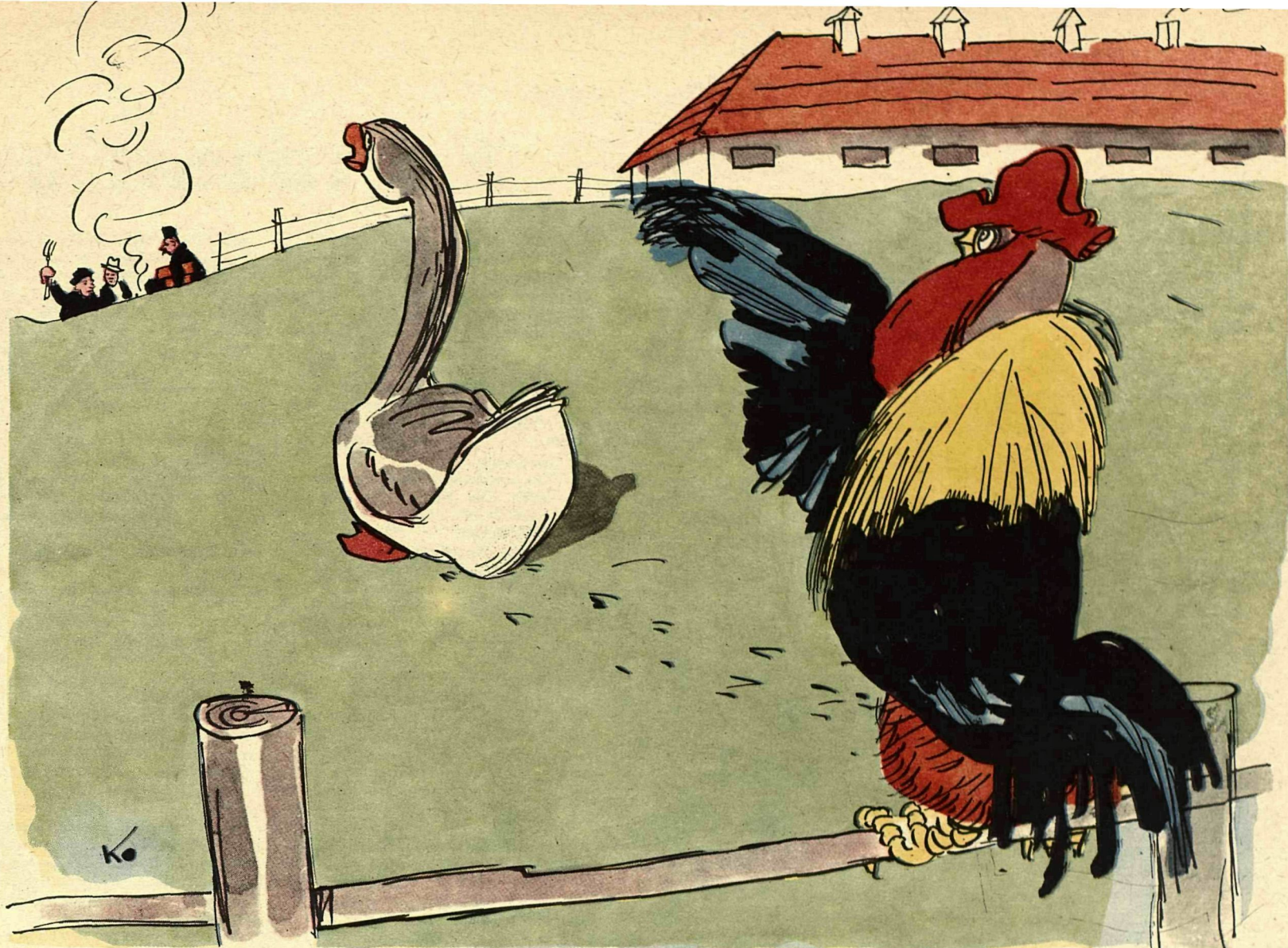
Верните ему былую славу. И не только ему, но всем другим вечерним кафе, которые имели неосторожность называться молодежными. Снаем, на проспекте Мира, на Ленинском проспекте. А будут такие кафе в Москве — хорошему примеру последуют и другие города.

Лариса ФЕДОРОВА

Рисунок А. КРЫЛОВА.

— Того и гляди, сама нагрнет!

— Контролер по водоплавающей птице приехал.
— Ну, ни пуха, ни пера...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

СЕКРЕТ КРАСОТЫ

Вопрос о внешности волнует не только сердца, склонные к измене и перемене. Желание выглядеть «в наилучшем виде» заставляет учащенно биться даже сердце хозяйственника. Хозяйственнику тоже хочется быть красивым.

При отсутствии натуральной красоты прекрасный пол усиленно нагирается всякой косметической мастикой и даже с ножницами в руках подкрадывается к собственным ресницам.

Хозяйственнику такие ухищрения ни к чему. Ему вовсе нет надобности, чтобы о нем говорили: «Ах, как мил!» Он хочет блистать не серьгами, а деяниями. Понятно, что при отсутствии красоты в деяниях он не трет щеки кирпичной пылью и не мажет брови жженой пробкой из-под «Зверобоя». Стать красивым для него куда сложнее.

С проблемой придания приятной видимости своим делам столкнулись как-то директор совхоза «Майский» тов. Одарич и парторг совхоза тов. Коновалов. Оба руководителя с тоскою поглядывали друг на друга и озабоченно дули в кулак, как в тромбон.

— М-да, каково-то мы будем выглядеть перед районом! — досадливо крикнул Одарич.

— В самом непотребном виде, — смело предположил Коновалов.

— Некрасиво получается, — как бы ни к кому в особенности не обращаясь, сказал директор.

— Да уж хуже некуда, — изрек парторг.

И снова пригорюнившись руководители совхоза засопели в кулак.

А получилось действительно не совсем красиво. Почти год назад молодая работница совхоза Анастасия Овчинникова под гром аплодисментов пообещала вырастить и сдать го-

сударству тысячу центнеров свинины. Директора и парторга распирало от гордости, как бочонок с капустой, выставленный на солнце.

— Наш кадр, наше воспитание! Слово — олово, у нас не заржавеет. Создадим условия, поможем Насте прославить наш совхоз!

Для начала отгрохали передовику пышную свадьбу с приданым. Подарили новый дом и две машины: стиральную и швейную. Пели и пили во славу будущей знаменитости. На весь район надрывались трехрядки и гремели бубенцы на свадебных тройках.

Отгремели бубенцы. Начались будни.

Как-то летом в совхоз пожаловал добрый молодец с фотоаппаратом. Деловито продурив объектив, он пожелал запечатлеть светлый образ передовика на фоне возвращенного поголовья.

Это было совсем некстати, ибо свинки, опекаемые Овчинниковой, были не зело крупны. Ради приятной видимости взяли тогда фотомолодца под локоток и отвезли в летние лагеря. Сюда же доставили передовика. И «щелкнули» знатную свинарку на фоне упитанных хавроний, откормленных «незнатной» свинаркой Изьковой. На фото все это получилось довольно-таки красиво.

Наступила осень. Пришла пора готовиться к победному рапорту. А поголовье знатной свинарки отнюдь не тяготело к заветному весу в тысячу центнеров. Вот тогда директор и парторг заскребли в затылках: не пошлешь же на заготовительный пункт фотокарточку вместо свинины! Поднадужили совхозные руководители буйное воображение и решили:

— Быть Овчинниковой передовой, а нам — красивыми! Не осрамятся перед районом!

И свершилось. У «непередовой» свинарки

Екатерины Цаповой среди бела дня пропали триста тридцать четыре отборных семидесятикилограммовых свиньи.

В общем, перетасовали хавроний. Подбросили Овчинниковой двести четырнадцать отборных свиней, а остальные сто двадцать голов преподнесли свинарке Павлушиной. Так сказать, на предмет воссоздания общей картины благополучия по линии передовиков.

Не подвели район доблестные руководители совхоза. Приятно было им лицезреть в газете «Советская Сибирь» составленную ими же за знатную свинарку реляцию:

«Рада доложить, что обязательство, взятое мною, — откормить и сдать государству тысячу центнеров свинины, — выполнено досрочно... Сдано 1 005 свиней гесом 1 006 центнеров».

Чего только не свершишь ради такого рапорта! На что только не пойдешь, дабы выглядеть таким конфетным бодрячком!

Могут сказать, что у наших героев — Одарича и Коновалова — были иные возможности: а) честно признаться, что они не организаторы производства, а очковтиратели;

б) по-настоящему помочь передовой работнице справиться со взятыми обязательствами. Но они не хотели делать ни того, ни другого.

Они страстно желали одного: красоваться в наилучшем виде, потому и прибегли к косметике самого дурного пошиба.

Как мастера красоты Одарич и Коновалов потерпели полный провал. А как руководители совхоза?

Ю. АЛЕКСЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Новосибирская область.

КОМАНДИРОВКА была ответственной. Нам поручили выехать в Белгородскую область и на месте познакомиться с постановкой самогонного дела. Предстояло выявить наиболее способных и подающих надежды самогонщиков, изучить новейшие достижения этих неутомимых тружеников барды и змеевика.

Нас обуревали сомнения. Самогонщики, как известно, люди скромные, даже застенчивые. Работают по ночам. Любят прозябать в безвестности и почему-то избегают встреч с представителями печати.

Словом, мы не знали, как взяться за дело. Один из нас утверждал, что без ищейки, специально натасканной на сивушный дух, не обойтись. Другой возражал:

— Сопьется собака! И в два счета вылетит с работы.

Робя и смущаясь, мы спросили в Белгороде у знакомого газетчика:

— А не знаете ли вы случайно, гонит ли кто-нибудь в здешних краях самогон?

Газетчик посмотрел на нас так, словно мы спросили, не дышит ли у них кто-нибудь случайно воздухом, и сказал:

— Случайно никто не гонит. Гонят сознательно.

И чтобы мы могли убедиться в этом, посоветовал посетить некоторые села.

ТРУДОВЫЕ БУДНИ САМОГОНЩИКОВ

Жребий пал на Большетроицкий район, ибо здесь, по слухам, находилось наиболее крупное лежбище самогонщиков. Причем были они якобы непугаными и охотно подпускали к себе посторонних.

Приехав на место, мы выяснили, что если самогонщики и не были столь ручными, то количество их вполне соответствовало слухам.

В хуторе Котов, куда мы попали поздно вечером, участковый уполномоченный милиции П. Медведев показал на дом Прокофия Егоровича. Ни сам Прокофий Егорович, ни его супруга не утруждали себя какой-либо общественно полезной деятельностью. Мы подумали, что вряд ли они настолько погрязли в безделье, чтобы не посвятить свой досуг самогонварению.

Глава семейства встретил нас у ворот.

— Ну как, папаша, самогон есть? — полюбопытствовали мы.

— Самогон? А шо це таке? Мабуть, иностранное слово?

Мы, как могли, объяснили гражданину Седенко, о чем идет речь.

— Шо вы, шо вы, отродясь этим не занимались!

Но участковый уполномоченный П. Медведев оказался черствым скептиком. Мы вошли в дом, и первое, что увидели, был внушительных размеров самогонный аппарат, сконструированный по последнему слову сивушной техники. Придав своим голосам предельную наивность, мы спросили:

— А это что такое?

Прокофий Егорович помялся, несмело улыбнулся и промямлил:

— А це так... Дытячья игрушка... Нехай балуются.

Но, судя по запаху и по батарее бутылок, аппаратом баловались

не только дети, но и взрослые члены семьи.

После того как представитель милиции составил акт, мы отправились дальше.

Жительницу деревни Серотино Варвару Дмитриевну Водопьянову мы застали за любимым занятием: она прилаживала змеевик к самогонному аппарату. Варвара Дмитриевна уже не просила нас объяснить ей значение слова «самогон».

— Да нешто мы одни? — недоуменно говорила она. — Почитай, вся деревня гонит... Мы-то что... мы люди скромные. Много ли нам нужно... Литров тридцать — сорок выгонишь — и хватит. Другие бадьями гонят, и то ничего.

— Ну и не ругают вас?

— Как не ругают... Известно, ругают, когда самогон плохой. У нас покупатель строгий.

— А как с сырьем? Затруднений не бывает?

— Затруднение, оно, конечно, случается. Как два мешка свеклы взвалишь на плечи, шибко затруднительно бывает.

— А где вы свеклу берете?

— Ясное дело, в колхозе.

— На трудодни выдают?

— Зачем дают? Сами берем. Ночью.

ДОХОДНОЕ ДЕЛО

Варвара Дмитриевна была несколько неточна. Сахарную свеклу и кукурузу воруют не только ночью. Это сырье тащат и днем. Тащат в мешках на салазках, а то и гужевым транспортом.

Среди тащущих и везущих встречаются поистине выдающиеся личности. У жительницы деревни Клейменово, Гостищевского района, М. Ильинской было обнаружено шесть центнеров колхозной кукурузы, припасенной для самогонки. Вот что значит хорошая хозяйка!

Евгений Иванович и Василий Васильевич Жигаловы и Иван Владимирович Андросов оказались более деликатными людьми. Они решили, что как-то неудобно красть прямо среди бела дня. В этом было что-то неприличное. Поэтому они вооружились ружьями и отправились на охоту. Нет, их не волновали зайцы и куропатки. Вместо ягдташей они прихватили обыкновенные мешки, которые наполнили тремя центнерами кукурузы с полей колхоза «Советская Россия».

Словом, сырье для самогонварения не является серьезной проблемой. Если любитель сивухи окончательно не обленится, он может без особого риска нарыть сахарной свеклы на ближайшем колхозном поле.

Остаются пустяки: закусить берду и наладить самогонный аппарат. А поскольку это оборудование примитивно, как доисторический топор, самогонщиком может стать всякий, чья душа стосковалась по частнопредпринимательской деятельности.

И так как производственные издержки невысоки, а цены устойчивые — 10 рублей старыми деньгами за пол-литра, — изготовление сивухи — дело отнюдь не убыточное.

Не мудрено, что даже рядовой самогонщик легко может положить в карман несколько сот рублей за один производственный цикл.

Мария Куц из села Кошары, Белгородского района, снабжает своей сивухой проезжих шоферов. Хотя она отлично знает, что ее бурда, настоенная на жженой резине, не раз вела к автомобильным катастрофам, ее это не беспокоит. Платили бы наличными, а на остальное плевать!

СИВУШНАЯ ЛЕТОПИСЬ

На лекциях о вреде самогона любят пугать слушателей циррозом печени и изображением сердца алкоголика, напоминающего сильно поношенный ботинок.

Поскольку мы не проводили широкого медицинского обследования белгородских любителей самогона, мы ровным счетом ничего не можем сказать об их печенках, селезенках и прочих внутренних органах. Но о том, какое влияние оказывает сивуха на их головы, нам кое-что известно.

Совсем недавно П. Старцев из колхоза «Россия», Большетроицкого района, был командирован в Шебекино. Здесь он принялся вдумчиво изучать достоинства местного самогона. Дегустировал его целых два дня. Время неслось для него с космической скоростью. Во всяком случае, он был искренне удивлен, когда бухгалтер пытался оплатить ему два дня командировки. Он был твердо убежден, что отсутствовал не менее двенадцати дней и в порядке доказательства своей правоты разбил в колхозной канцелярии пишущую машинку.

Но алкоголики теряют понятие не только о времени. Иногда они не могут определить более или менее точно и место своего пребывания. Машинист Ф. Докукин, возвращаясь домой под сивушными парами, решил, что опушка леса — это супружеское ложе, и улегся на снежок вздремнуть.

Нашли его через месяц. Рядом с трупом валялась бутылка самогона.

Ф. Докукина убил самогон, купленный на стороне. А бывает, что роковая сивуха готовится собственными руками.

Умное
ПРОИС-
ШЕСТВИЕ

Неприглядная картина, жаль, что не из неблиц: поднабравшийся мужчина оскорбляет разных лиц. Он стоит, распространяя вокруг себя сивушный дух, грубой бранью оскорняя проходящим людям слух... Четкий шаг к нему направил

для принять срочных мер молодой блюститель правил — строгий милиционер. Но не клики одобрения слышит милиционер, а призывы к всепрощенью, к прекращению всяких мер!

— Ну, хлебнул он мало-мало!..
— Ну, маленько перебрал!..
— С кем такого не бывало!..
— Кто из нас не выпивал!..
И особенное рвенье обнаруживал один — по дороге в отделение — энергичный гражданин:
— Отпусти ты, бога ради, нарушителя домой!
Может, с горя выпил дядя!

пазухой

Когда Конев, студент 3-го курса Харьковского института коммунального строительства, сообщил домой, что успешно сдал экзамены и едет погостить к родителям, его мать на радостях приготовила целых три ведра самогона.

Встреча была горячей. К концу дня, когда в ведрах с зельем уже проглядывались доньшки, Конев вдруг вспомнил, что много лет назад их сосед обидел чем-то покойную бабушку. Этого он вынести не мог и решил вместе с приятелем отомстить обидчику. Наутро Конев даже не помнил, что убил ни в чем не повинного человека...

КОГДА У ЗАКОНА ПОДБИГАЮТСЯ НОГИ

Если бы описать все то зло, которое несет с собой самогон, потребовался бы не фельетон, а многотомное сочинение. Самогон — не только убийства и поножовщина. Это развал дисциплины в колхозах. Автомобильные катастрофы. Разрушенные семьи. Болезни. Дух торгашества, который приносит с собой рыцари змеевика. Словом, утверждать, что самогон — зло, не приходится. Зато борьба с самогонотварением — задача, которую до сих пор не удалось решить.

Самогонщики потому и напоминают лежбище непуганых тлюней, что, сладко и лениво потягиваясь, удовлетворенно похлопывают лапами по туго набитой мошине. Им не нужно бояться закона.

Нет, не подумайте, что в новом Уголовном кодексе забыли о самогонщиках. Боже упаси! Тогда самогонщики, чего доброго, перепугались бы и бросили бы свои аппараты. Ведь неизвестность всегда страшна.

Но когда черным по белому написано: гони, мол, милый, не стесняясь — тогда змеевик так и просится в руки. Так и тянет выгнать ведерко-другое сладко пахнущего зелья.

Давайте взглянем на статью 158 Уголовного кодекса глазами незаметного труженика самогонного производства.

Первая часть статьи, толкующая об изготовлении сивухи для собственного потребления, грозит такими страшными карами, как меры общественного воздействия, и лишь на третий раз — штрафом до ста рублей старыми деньгами. Но что означает такой штраф для самогонных дел мастера? Лишнее ведро самогона!

Может, с радости какой!..
А пьянчуга шел с толпою,
одобрительно мычал,
непутевой головою
одобрительно качал,
руку поднял, как лопату,
боевой почуяв пыл,
взял и спьяну «адвокату»
оплеуху залепил!..
И немедля — вот умора! —
прежде ласковый, как брат,

прямо с ходу в прокурора
превратился «адвокат»!
Он вопит:
— Скажи на милость,
мирных граждан бьет бандит!
Что с милицией случилось!
Где она!..
Куда глядит!!

Владимир ЛИВШИЦ

А товарищеский суд? Из 29 дел по самогонотварению, направленных в прошлом году на рассмотрение общественности в Гостищевском районе, были рассмотрены только два, да и то ради приличия.

Вторая часть этой же статьи, толкующая об изготовлении сивухи на предмет продажи, имеет лишь чисто теоретический интерес, ибо практического применения не находит.

Самогонщик — человек скромный. Он почему-то не хочет вывешивать на своих воротах объявления: «Продажа спиртного распивочно и навынос» — и мчаться в райфо с просьбой обложить его налогом.

Такие высокосоциальные самогонщики существуют лишь в смелом воображении составителей кодекса. К тому же самогонщика нужно изловить на месте преступления не менее двух раз. А он, как назло, изготовляет самогон, когда участковый уполномоченный крепко спит.

— А общественность? — скажут юристы. — Вся надежда на нее.

Но общественности тогда легко бороться с правонарушителями, в том числе и с самогонщиками, когда в ее руках хороший закон. Сейчас же получается так: когда общественность пробует опереться на закон, а у того подгибаются ноги, — у общественности опускаются руки.

Мы вовсе не ратуем за то, чтобы всех самогонщиков упрятать за решетку. Есть и другие меры воздействия. И не надо попусту бить на его сознательность. Проще и действеннее — бить по его карману. Притом как можно больнее. Это право должно быть предоставлено не только милиции. Бить самогонщиков рублем должен и сельский Совет.

Тогда к каждому самогонщику поступчатся представители сельской власти, вытаскают квитанционную книжку и скажут:

— Гражданин, мы вас предупреждали. Хватит. Платите пятьсот рублей новыми деньгами. Они нам очень пригодятся для оборудования клуба.

И после такой финансовой экзекуции он крепко призадумается, стоит ли налаживать самогонный аппарат.

В. ТИТОВ, З. ЮРЬЕВ,
специальные корреспонденты
Крокодила

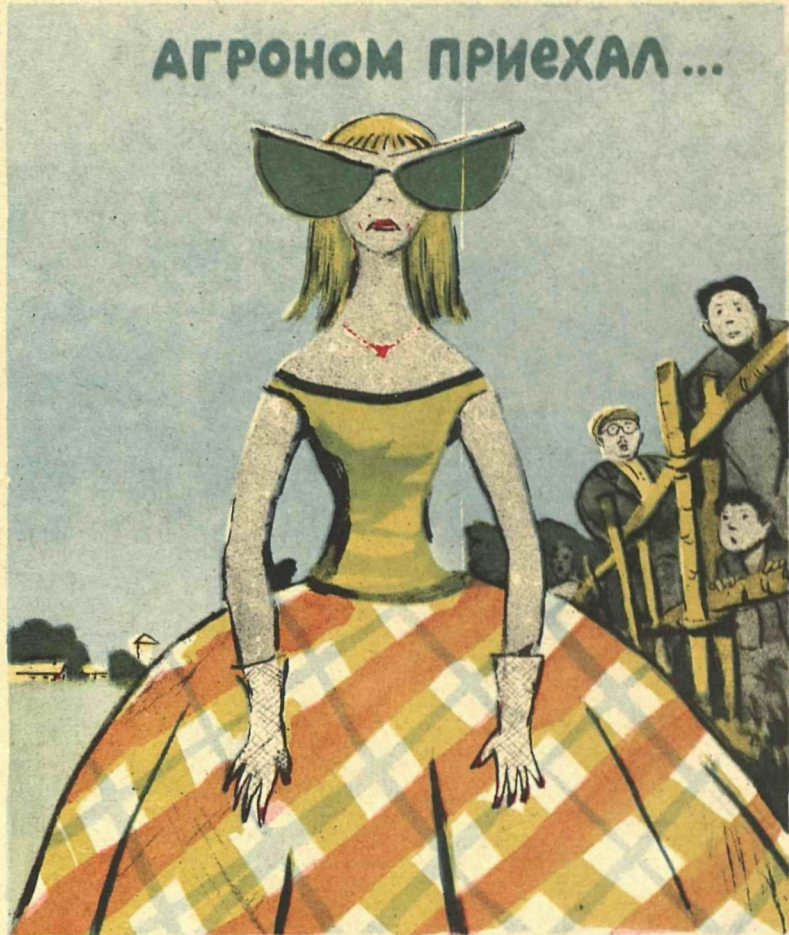
Фото корреспондента газеты
«Ленинская смена»
Ю. МАРЧЕНКОВА.

Белгородская область.

«БОЕВОМУ КАРАНДАШУ» — ЛЕНИНГРАДСКОМУ ТВОРЧЕСКОМУ КОЛЛЕКТИВУ ПОЭТОВ И КАРИКАТУРИСТОВ ИСПОЛНЯЕТСЯ ПЯТЬ ЛЕТ. КРОКОДИЛ ШЛЕТ СВОИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ СОБРАТУ ПО ОРУЖИЮ.

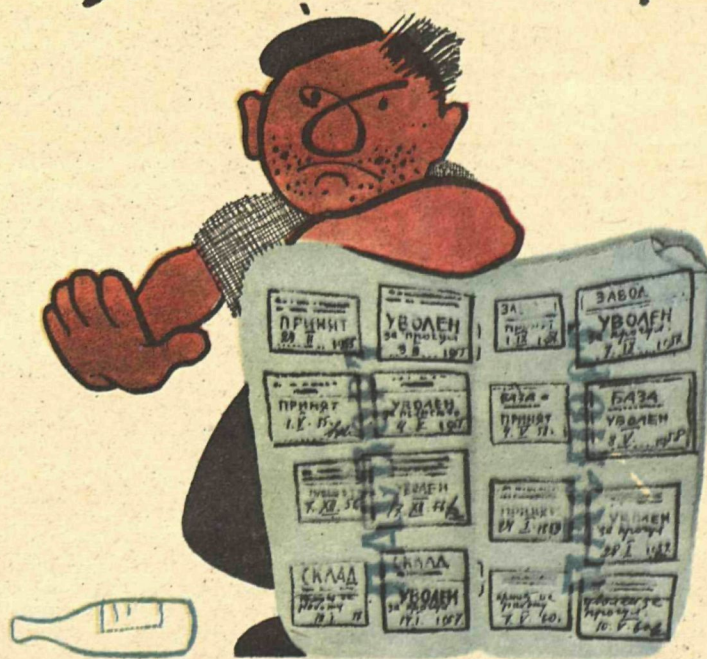

Плакаты Д. ОБОЗНЕНКО.

Плакат В. ЖЕЛОБИНСКОГО.

- РАБОТАТЬ?! УВОЛЬТЕ!

Готов оформиться опять,
Да ставить некуда печать.

Недозволенные досуги

Как сообщил нам читатель Д. П. Чурсин, газета «Сталинградская правда» решила 4 февраля нынешнего года порадовать подписчиков занимательным отделом «Зимние досуги». Под фотографией, изображающей двух рыбаков-любителей, газета дала такую подпись:

«На Волге, возле шлюзов гидростанции, во льду сотни лунок. Возле них — рыболовы. Тут тоже, как на охоте, кому везет, а кому — хоть сам за рыбой в лунку прыгай. Этому рыбаку, кого мы внезапно сфотографировали, везет здорово. К нему даже другие за опытом приходят».

Но каждому сталинградскому школьнику известно: у плотины Сталинградской ГЭС скопилось столько рыбы, что ее можно черпать ковшом. Именно потому исполком Сталинградского областного Совета запретил все виды рыбной ловли у плотины и ниже ее на протяжении 8—10 километров.

Зачем же пропагандировать недозволенные досуги, товарищи из «Сталинградской правды»?

Кто не полетит на Луну?

КТО НЕ СОБРАЛ ЖЕЛЕЗНЫЙ ЛОМ, ТЕХ НА ЛУНУ НЕ БРАТЬ!

Человечество давно уже волнуется вопросом о том, кто же из людей явится в конце концов лунооткрывателем. В самом деле, кому первому суждено уверенно стать ногой на лунную твердь?

Изюбр решил идти к ответу на этот волнующий вопрос от обратного: он называет тех, кто на угасшее небесное светило, безусловно, не попадет! Именно об этом свидетельствует выпущенная издательством полумиллионным тиражом открытка художника А. Дудникова. На фоне установок для пуска ракет художник изобразил двух пареньков, несущих жестяное корыто с пришедшим в негодность самоваром, и снабдил открытку такой категорической надписью:

Кто не собрал железный лом, тех на Луну не брать!

По прочтении такой надписи некоторые из желающих оказаться на Луне начинают недоумевать. Как быть, например, будущему космонавту Пете, если он не собирает не только железный лом или бумагу, а даже пренебрегает лекарственными растениями? Возьмут его на Луну или нет? И какие перспективы ожидают его друга Ваню, знаменитого во всей округе голубоведа? Полетит он или не полетит? И нельзя ли вообще наладить выпуск таких открыток, которые не вызвали бы никаких недоуменных вопросов?

М. Г.

Дворец мелочей

ОДИН знакомый недавно поведал мне о событии, происшедшем в их городе.

Город этот не известен ни храбрými сражениями с Мамаем, ни продукцией местной промышленности, ни футбольной командой.

Расположен он в средней полосе. По размерам и числу населения — тоже средний. И если школьник не сумеет показать его на карте, учитель никогда не поставит ему двойку за этот промах.

«Среднее положение» долгое время угнетало городских руководителей. И выхода из него они просто не видели. Пытались соревноваться в масштабе республики за чистоту, но первого места городу не дали. Хотели взять реванш по зеленым насаждениям, но опять как-то не вышло.

И в тот момент, когда они находились в состоянии крайнего уныния и разочарованности, явился спаситель.

Это был энергичный мужчина с рыжим портфелем в руках. Портфель имел несколько застеежек и крайне разбухший вид. Видимо, там находилось все, что необходимо для достижения широкой известности и славы в веках.

— Ассигнуйте мне энную сумму, — деловито сказал спаситель, — и вы войдете во все энциклопедии. В Большую Советскую, в Британскую и даже в справочник Хютте...

Со справочником Хютте его собеседники накоротке знакомы не были, но упоминание о нем, видимо, произвело большое впечатление.

— Что нужно? — перебивая друг друга, спросили они.

Мужчина небрежно закинул ногу на ногу, выдержал многозначительную паузу и ответил, чеканя каждое слово:

— Вашему городу нужен народный хор...

Потом он разошелся и изложил свою программу более подробно:

— Хоровое пение — это пение будущего. Недаром оно так популярно. Хор Пятницкого, Омский, Северный, Уральский... «Рябинущку» слышали? Вот! И у нас будет своя «Рябинущка». Но предупреждаю: никакой самодельности! Все на профессиональную ногу. А для этого — финансы!

— И много их, финансов? — осторожно спросил предгорсовет.

— Легкой жизни в этом смысле не обещаю, — честно и мужественно сказал спаситель. — Так просто ничего не делается... Я беру на себя организацию, репертуар и общее руководство. Кроме меня, — дирижер, хормейстер. Дальше — художник по сарафанам. Три солиста,

двадцать семь певцов на разные голоса. Это же сила! Кстати, вот проект штатного расписания и смета на деревянные инструменты.

— А инструменты только деревянные? — с облегчением спросил один из участников беседы. — Других не надо?

— Не надо. Это будет особенностью нашего хора. И сарафаны тоже. Таких ни один ансамбль не видывал! И вообще наш коллектив должен отличаться от других. В этом залог успеха. Если другие, например, поют, нажимая на «о»; то мы будем налетать на «а» или на «у». В общем, есть еще гласные буквы! И репертуар будет свой — нечто вроде этакой народной оратории.

— А где ее взять?

— Заплатим — напишут. Есть тут на примете некоторые былинники-речистые. Да я и сам! И не пугайтесь, что платить надо. Потом с лихвой окупится: концерты, гастроли по всему Союзу, полные аншлаги, призовые места! Слава вашего, то есть нашего, города пересечет границы всех административных экономических районов. На крыльях песни! А деньги? Что деньги! Чтобы их получать, их надо вкладывать.

— Еще куда-нибудь надо вкладывать? — с некоторым беспокойством спросил предгорсовет.

— Вы правы. У хора должен быть свой дом. Раз вы сказали «а», говорите «б». А «б» — это Дворец народной песни. Такого ни в одном городе нет! Надо построить! Представляете: бетон, стекло, витражи!.. Красота! Сюда потянутся на выступления лучшие хоры и ансамбли страны. Приедут сказители, ашуги, акыны и эти — как их? — таманды... Кроме того, здесь будут народные карнавалы, фестивали танца и торжественные заседания горсовета совместно с общественными организациями. Вы выходите на трибуну и...

Владелец рыжего портфеля говорил так вдохновенно, что вскоре на стол перед ним положили договор, а когда он ушел, состоялась небольшая летучка. Обсуждали вопрос, где взять деньги на Дворец песни. Решили урезать смету жилищного строительства.

Через несколько месяцев на площади Песни (до недавнего времени она называлась Базарной) был заложен фундамент Дворца. А хор дал уже первые концерты. Успеха они, правда, не имели: публика бежала за калошами еще до первого антракта. Но автора «народных ораторий» это не обескуражило.

Справдываясь перед своими покровителями, он сказал:

— Состав хора у нас пока не очень сильный. Не подозревал, что в вашем городе так мало

тантлов. Придется выписать из других... И потом: Дворец-то побыстрее надо строить. В клубе скотобойни, где мы выступаем, разве акустика?

Меценаты вздохнули и пошли на новые расходы. Для этого законсервировали строительство еще двух домов. Попутно отметили ремонт кинотеатра.

А худрук наседал:

— Я не могу восстанавливать свои силы на ту зарплату, которую вы мне дали! Либо прибавьте, либо уйду... И на сарафаны не жалейте. В таких сарафанах только коров доить!

Петля, которую на себя добровольно накинута меценаты, все туже затягивалась на их шее. Искусство требовало новых жертв. До полных аншлагов и призовых мест было еще далеко. Лучшие ансамбли страны, сказители, ашуги и акыны в дорогу пока не собирались. А горбюджет трещал по всем швам.

Разговоры о славе и об упоминании в энциклопедии как-то приумолкли. О справочнике Хютте тоже никто ничего не говорил. Тем более, узнали, что он технический.

Впрочем, один лучик славы как-то прорвался. Он шаловливо поиграл на лысынах меценатов и угас. Как выяснилось потом, он был очень обманчивым.

...Местная газета напечатала статью «Дворец мелочей». Автор ее сладкозвучно описывал неповторимые формы будущего Дворца, колоннаду у входа, зал, способный вместить чуть ли не четверть городского населения, бра, канделябры, тобелены, витражи... В статье было много превосходных степеней и восклицательных знаков.

— Вот! Читайте! — радостно воскликнул руководитель хора, прибежав в горсовет. — Мое интервью! И скажите мне спасибо. О таких вещах всему свету надо рассказывать. Поднимать это дело!

Но он был глуп, этот «былинник». Свету рассказывать было как раз не нужно, а если рассказывать, то совсем с противоположной целью. Свет не понял превосходных степеней и неумных восклицаний. Наоборот, он осудил их. И та же газета, опомнившись, вскоре дала отбой: она поместила недобрытели письма горожан. Тех горожан, которые заждались новоселья.

В воздухе запахло скандалом. Потом приехала комиссия из центра.

Договор с обладателем рыжего портфеля был денонсирован. Отцам города посоветовали развивать общественные формы искусства, а на фундаменте Дворца песни предложили построить... баню. Вани в городе не было.

ГЛАВНАЯ ЯМА

— Два горьковских инженера — не будем скрывать их имена, — Александр Петрович и Николай Васильевич, поехали в город Семенов. Кто-то из провожающих дал полезный совет:

— Городок миленький, и гостиница там большая, двухэтажная, расположена в самом центре, на главной площади. Поживете с удобствами.

Поздно вечером инженеры постучались в двери гостиницы.

За стеклом отдернулась белая занавесочка и появилось заспанное лицо.

— Мы к вам! — усталым голосом сказал Александр Петрович, предвкусывая отдых.

— Вы что: отравились?

— Простите, — возмутились инженеры хором. — Что за нелепые шутки? У нас даже гриппа нет... Нам сказали... здесь гостиница.

Из-за двери посыпалась скороговорка:

— Была гостиница. Давным-давно выселили ее отсюда.

И занавесочка закрылась.

Сердобольная старушка, проходившая мимо, разъяснила:

— Больница второй этаж надстраивает: вот ее и расквартировали здесь.

— А гостиница?

— Слышала я от внучонка, что ее устроили в Доме пионеров. Это во-о-он там!

Что ж, делать нечего, инженеры отправились по указанному адресу.

— Из Горького? — радостно спросил их весьма приятного вида юноша, судя по всему, администратор гостиницы.

— Из Горького! — дружно ответили инженеры. — Куда идти?

— Прошу за мной. Артистическая в двух шагах.

— Какая артистическая?! — возопил Александр Петрович, почувывая неладное.

— Вы иллюзионисты? — удивился юноша. — Приехали выступать в Доме пионеров?

— Какие иллюзионисты?! Нам сказали, что здесь гостиница.

— Была! — отозвался юноша. — Целых полгода. Но сейчас ее временно вселили в недостроенный жилой дом центральных ремонтных мастерских.

Путь оказался не близким. Жилые дома ЦРМ строили почти возле самой железнодорожной станции. Юноша из Дома пионеров сообщил прустную правду: здесь разместилась гостиница. Но что это за здание! Деревянный двухэтажный сруб с нештукатуренными стенами, со щелями в полу.

Так начали они невольное знакомство со строительством в городе Семенове, которое здесь стало, как говорится, притчей во языцех, или, как менее пышно определили в городских организациях, «главной ямой».

Городскую баню строят не то четыре, не то пять лет. Уточнить дату невозможно даже с помощью работников отделения Государственного банка, так как документы о первых суммах, выданных на эту благородную цель, уже успели сдать в архив.

Один-единственный этаж больницы надстраивают три года. Едва там устанавливали железобетонные балки, как они летели в тартарары. Начальнику стройуправления № 11 Горьковского облстроя И. С. Гроздеву очень жарко пришлось на собрании городского партийного актива, когда его там за это «греди». Беспомощный лепет о виновности не строителей, а цемента, который по несознательности «не схватился», вызвал обидный, но справедливый смех.

Недавно здание принимала государственная комиссия. Но что это за приемка! Достаточно сказать, что в душевых больные могут принять либо ледяной душ, либо ошпариться кипятком: смесителей не поставили. Слосок

других недоделок составлен, проверен и... подшит к акту о приемке. Недаром в ответ на поздравления начальник стройуправления И. С. Гроздев мрачно ответил:

— Нечему радоваться. Это для нас траурный день.

Что-то слишком много таких дней отмечают в Семенове!

Нечему было радоваться новоселам дома на Профсоюзной улице: там форточки оказались только во внутренних рамах, в наружных сделать... забыли.

Нечего радоваться тем, кто рассчитывает на здание комбината бытового обслуживания: его строят третий год, а конца стройке не видно.

Некоторые горьковчане и семеновцы прочитают в фельетоне об Александре Петровиче и Николае Васильевиче, расстроившихся при попытке найти в Семенове ночлег, и подумают: «Неужели это про начальника Горьковского облстроя Александра Петровича Ежевского (сейчас подвигающегося в облсовнархозе) и главного инженера того же треста Николая Васильевича Счастлива?»

Разъясняем: нет. Оба названные выше товарища не раз бывали в Семенове, отлично знают о том, что там из года в год проваливают строительство, что не хватает ни материалов, ни оборудования, ни квалифицированных инженеров и техников, но относятся ко всему этому равнодушно. И гостиницу они искать не станут: на ночевку в Семенов их не заманишь и калачом: быстренько, для проформы «провернут» дела, а чуть начнет смеркаться — они в свою персональную машину и — фуйть! — в родной Горький.

Только их здесь и видели!

Ю. АРБАТ,

специальный корреспондент Крокодила

г. Семенов, Горьковской области.

Представитель гения и труда

Петр Федорович написал книгу о происхождении сознания. Внес, так сказать, свой посильный вклад в сберегательную кассу науки.

Знакомство с книгой еще раз убеждает нас в том, что вопрос о происхождении сознания чрезвычайно сложен.

Сам автор не скрывает этого трагического факта:

«Загадка сознания служила камнем преткновения для целых философских школ. Перед ней останавливались многие представители гения и труда, не будучи в силах разрешить ее» (стр. 5).

Пусть не взывает с нас читатель: глубокого научного анализа монографии Петра Федоровича Протасени, доцента Белорусского государственного университета, мы производить не будем. Жанр не тот. Но некоторые совершенно оригинальные наблюдения и неожиданные открытия из его книги «Происхождение сознания» (издательство Белгосуниверситета, Минск, 1959) позволим себе довести до широкого читателя.

Какой-то философ древнего мира утверждал, что человек есть животное двуногое и без перьев. Правда, ему резонно возражали, что если опичать петуха, то человеком он от этого не станет.

Казалось бы, вопрос о близости человека к птицам был решен тогда окончательно и бесповоротно.

Но почему, собственно, так уж окончательно?

Не задумывались ли вы, читатель, над таким интересным фактом: кто в животном мире занимает вертикальное положение, то есть ходит на двух ногах, и кто в состоянии произносить звуки человеческой речи? Если не задумывались, то прислушайтесь к авторитетному голосу П. Ф. Протасени:

«Насколько огромна роль вертикального положения в развитии языка, свидетельствует тот факт, что из всех животных птицы обнаруживают наибольшую способность к производству разнообразных звуков и могут научиться словам человеческой речи. По всей вероятности, этим преимуществом перед другими животными они обязаны тому, что делают с человеком двуногое хождение» (стр. 55).

Впрочем, сравнивая человека, скажем, с попугаем, автор совершенно отчетливо представляет себе разницу между ними:

«Однообразие и постоянство в произношении попугаями слов — они без всякого толку часами мелют любой вздор... провозглашают одно и то же приветствие утром и вечером — свидетельствует о том, что их слова не являются средством выражения какой-либо идеи» (стр. 212).

Не знаю, как вы, читатель, но мы теперь со-

вершенно точно убеждены в непроходимой безыдейности птиц вообще и попугая в частности. Правда, беспокойный червь сомнения не дает нам полностью вкушать всю сладость открытия разницы между человеком и попугаем. Одолевает сомнение: а что, если есть где-нибудь на свете такой попугай, который, открыв глаза, громко возвещает: «Добрррое утррро!» — а ложась спать, желает всем спокойной ночи? Являются ли его слова средством выражения идеи пробуждения и засыпания или он только бессовестный зубрила?

Раз речь зашла о языке, то уместно спросить, почему, собственно, человек разговаривает при помощи рта. Вам, читатель, такой вопрос, наверное, и в голову не приходил. Признаться, раньше и нас это особенно не беспокоило. Рот сравнительно неплохо справлялся с выпавшей на его долю обязанностью, и этого было вполне достаточно.

Но в том-то и заслуга «представителей гения и труда», что они стремятся заглянуть в корень явления, вскрыть причины, его породившие, и сказать новое слово в науке. Петру Федоровичу удалось блестяще разрешить вопрос о сущности рта как «основного аппарата речи». Судите сами:

«Были, конечно, причины к тому, что именно рот стал основным аппаратом речи. Преимущество рта перед всеми остальными органами, может быть, состояло в его анатомической близости к мозгу... вследствие чего движения рта гораздо быстрее и отчетливее подчинялись контролю мышления» (стр. 90).

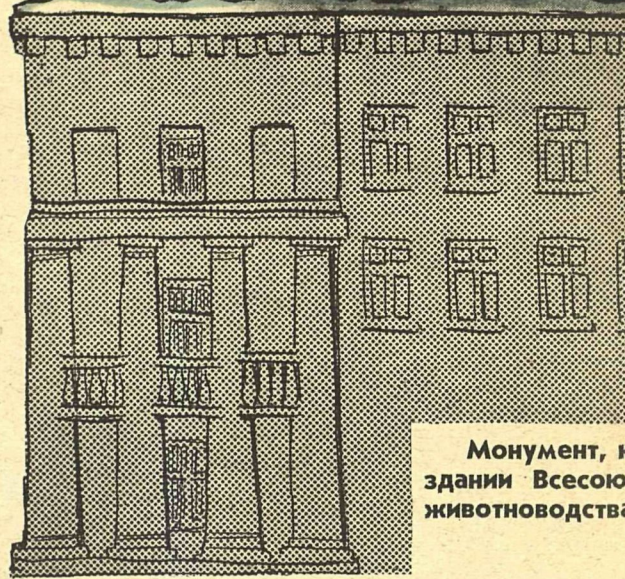
Как все гениальное, это открытие отличается убедительной простотой: чем ближе к мозгу находится тот или иной орган, тем охотнее подчиняется он его контролю.

Но почему же тогда тов. Протасеня отдает такое предпочтение рту, за что так незаслуженно обижает нос и уши? Ведь они еще ближе к мозгу, чем рот, и, конечно, когда-то имели не меньше шансов стать основными органами речи. Повези им несколько больше, теперь мы беседовали бы при помощи хлопанья ушами или делали научные сообщения, шмыгая носом.

И потом, как быть с руками? Значительно удаленные от мозга, они, очевидно, должны не так уж охотно следовать его велениям? А бедные столь далекие от мозга ноги? Недостаточно подчиненные контролю мышления, они могут завести в такие не освещенные сознанием дебри, из которых трудно выбраться даже на четвереньках!

Не будем продолжать. Читателю, очевидно, уже ясно: еще один «представитель гения и труда» споткнулся о камень, именуемый им «загадкой сознания».

Л. РОМАНЕНКО

Монумент, в здании Всесоюзного животноводства

РЕДКИЙ

Есть в энской области районный центр. Городок как городок. Ничего особенного. А неподалеку от него есть хвойный лесок. Лесок как лесок. Ничего особенного. На побывку к родным прибыл однажды в городок столичный ученый.

Ученый увидел лесок и отправился туда прогуляться. Подышать свежим воздухом. Отдохнуть от серьезных научных мыслей.

Но коварная природа тотчас втянула его в орбиту своих загадок. В лесу, прямо на полянке, ученый внезапно увидел белку.

Сердце научного работника екнуло. И он решил вспомнить счастливую пору детства, не обремененную высоким званием и работой на кафедре.

Ученый нагнулся, поднял камешек и, положив под язык таблетку валидола, швырнул камешек в белку.

Но белка даже не пошевелилась. И тогда отдых ученого кончился. В столицу полетела телеграмма: «Обнаружил редчайший неисследованный экземпляр белки. Шлите штаты и аппараты».

Стоял себе хвойный лесок. Лесок как лесок. Ничего особенного.

Но налетели на него любители заповедных мест и создали заповедник.

А районный центр стал городом-спутником заповедника.

При заповеднике учредили отдел заповедей.

Заповеди гласили:
1. Не убей (белку).
2. Не бей (баклуши).
Вторая заповедь была отведена всеобщим тайным голосованием. Наконец началось изучение обнаруженной белки глазным способом.

МЕТОДИКА

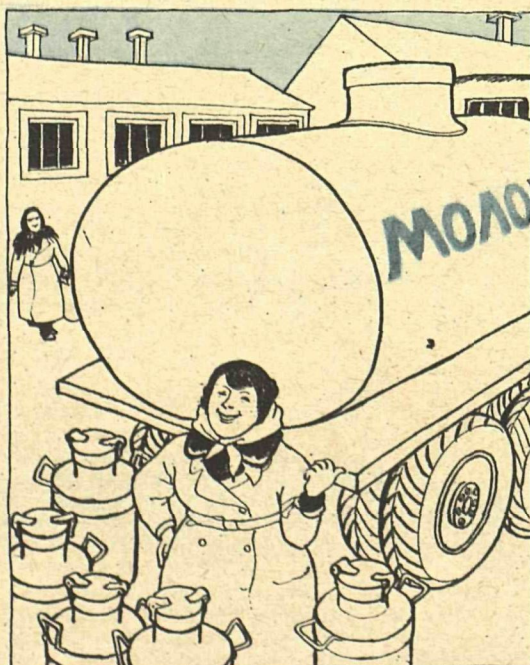
Научный работник залегает в кустах и, затаив дыхание, смотрит на белку:

- прищурившись, правым глазом,
- прищурившись, левым глазом,
- в оба глаза.

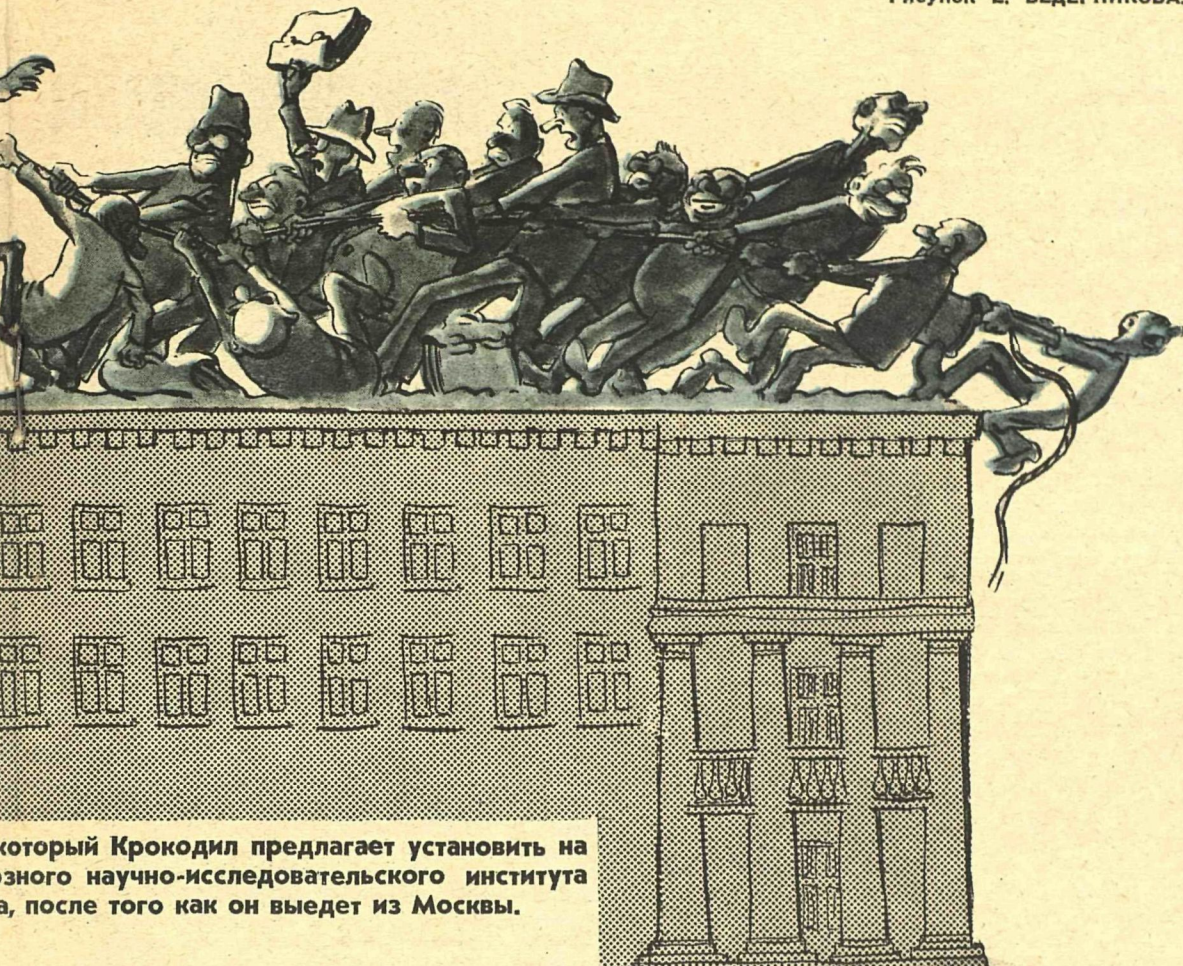
Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— Сегодня у нас рекордный надой!

— А у нас — обычный...

который Крокодил предлагает установить на этого научно-исследовательского института, после того как он выедет из Москвы.

ЭКЗЕМПЛЯР

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Белка обыкновенная (*vulgaris*), покрыта серым мехом, переходящим в пушистый отросток, именуемый, по Брему, «хвост».

ВЫВОДЫ: без выводов.

Вторая стадия изучения велась с привлечением научной аппаратуры: театрального бинокля.

МЕТОДИКА

Наблюдатель залегает в кустах и смотрит на белку:

- через уменьшительные стекла,
- через увеличительные стекла.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Грызун обыкновенный (*vulgaris*), семейства беличьих, через аппаратуру не просматривается.

ВЫВОДЫ: бинокль испорчен.

С каждым днем масштабы работы расширились. Штаты, естественно, тоже.

Поскольку белка по-прежнему была неподвижна, возникло предположение, что она ничего не ест.

Пошли в рассуждения дальше: попытались припомнить, чем вообще питаются белки.

Для всестороннего изучения этого вопроса решено было создать отдел питания.

Отдел оправдывал свое название: научные работники питались в нем пять раз в день. Наиболее занятые брали обеды на дом.

Отдел питания долго отмалчивался, а потом сообщил, что, по неподтвержденным данным, белки питаются орехами и шишками.

Это было открытие. Устроили торжественный вечер, сказали речи, кое-кого представили к званиям.

Будущий кандидат ореховедческих наук попросил командировку в Грецию, но ему отказали.

Исследованный им в лабораторных условиях орех оказался пустым.

С шишками повезло: родилась диссертация.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Шишка как таковая отпочковалась от слова «шиш».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Слово «шиш» имеет два различных значения.

§ 1. В просторечии обозначает дулю с маслом (несъедоб.).

§ 2. В научном понимании «шиш» (*shish*) — конечный результат данной работы.

Словом, работа кипела, а белка не двигалась.

И вдруг на полянке появился мальчик. Он оглядывался по сторонам, шарил в кустах: видимо, что-то потерял и теперь искал.

Увидев подопытную белку, мальчик очень обрадовался, подбежал к ней и... сунул ее за пазуху.

Ученые замахали руками. Ученые закричали:

— Держите его! Он не читал наших заповедей!

— Осторожнее, ради бога! Ты же ее травмируешь!

— Повредишь мех!

— Задушишь случайно!

— Нет, ничего! — сказал, улыбаясь, мальчик. — Не волнуйтесь, пожалуйста. Она ведь игрушечная.

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

* * *

Невероятно, но факт. Эта почти сказочная история имеет свое продолжение и подтверждение в реальной жизни.

Если бы упомянутый выше литературный мальчик жил на территории Алтайского государственного заповедника, работники этого заповедника наверняка получили бы от мальчика ценные сведения о *Sciurus vulgaris altaicus Serebr* — белке алтайской. Он, например, мог бы сообщить, что одна белка, решившая покинуть восточный (заповедный) берег Телецкого озера и переправиться на западный (незаповедный), жестоко поплатилась за попытку переменить местожительство. При переправе через озеро ее слопал таймень. Эту бдительную рыбу, как

полагает мальчик, следует зачислить в штат Алтайского заповедника, чтобы легкомысленные белки не вгоняли ученых в тоску и не заставляли их с грустью писать в первом томе «Летописи природы»:

«Зимой 1958—1959 годов белки на территории заповедника было немного».

Видно, белки в Горном Алтае капризны и привередливы. Ну чего им не хватает? Территория Алтайского заповедника—914,8 тысячи гектаров. Вторая по величине заповедная территория в стране! Резвись себе да шелкай кедровые орешки под наблюдением почти сотни штатных единиц! А белки этого не ценят. Их тянет в большой человеческий коллектив, потому как они знают: «В силу своей удаленности и труднодоступности территория Алтайского заповедника очень слабо населена... на территории заповедника живет менее 0,1 человека на один квадратный километр».

Наверное, и соболя тянет к людям: «По словам наблюдателей, на западном (незаповедном) берегу Телецкого озера соболя очень много — даже больше, чем на территории заповедника». Благодарим составителей «Летописи природы» за объективное признание!

Так что не только белка, но и соболь, марал, лось, козуля, кабарга, куропатка, тетерев, глухарь, рябчик — одним словом, вся фауна Алтайского заповедника иногда организует коллективные поиски какого-нибудь завалеща браконьера, который выстрелами из двустволки подтвердил бы, что 914 тысяч гектаров обязательно нужно было объявлять заповедником. Но поиски, как правило, оказываются безрезультатными.

Однако сотрудники заповедника даром хлеб не едят.

Раз охранять флору и фауну не от кого, решили они, то уж описать их — святая обязанность. И описали.

В отчете о научно-исследовательской работе читаем: «Учет урожайности деревьев и кустарников по шкале Каппера в 1959 году провоздился по всей территории заповедника. Плохой урожай (балл 1—2) отмечен для кедра, черемухи, рябины, калины». На тройку потянула красная смородина, на четверку — земляника, на пятерку — малина. Грибам даже не поставили оценки. Дело в том, что, как явствует из отчета, «урожайность грибов в 1959 году на территории заповедника была плохой. Единично встречались подберезовики, маслята, сыроежки». Утешили сотрудников опять. Их «масовое появление отмечалось в северной части заповедника».

А еще в заповеднике проводилось «мечение животных». Причем план по окольцованию птиц был даже перевыполнен. Вместо 200 птиц (по плану) окольцовано 247 (!). А вот план мечения млекопитающих завалили. Не было исполнителя (надо бы увеличить штаты!). В результате помечен один соболь. Счастливец!

А еще в заповеднике на лесосеках изучались пни срубленных деревьев кедра и пихты «с анализом распределения годовичных колец». Пни должны быть довольны. Почти на каждый пень составлена карта.

Нужно отдать должное сотрудникам заповедника: они активно занимались изучением кедровых лесов. Но ведь по кедру получены интересные материалы в заповеднике «Столбы». Кроме того, есть Институт леса и древесины Сибирского отделения Академии наук СССР. Ему, как говорится, и кедр в руки.

А как же Алтайский заповедник? Лиши его кедровой тематики, что тогда останется? *Sciurus vulgaris altaicus Serebr*? Но этот легкомысленный зверек ясно дал понять, что не хочет иметь над собой никакой опеки.

Ю. М.

Смелость

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

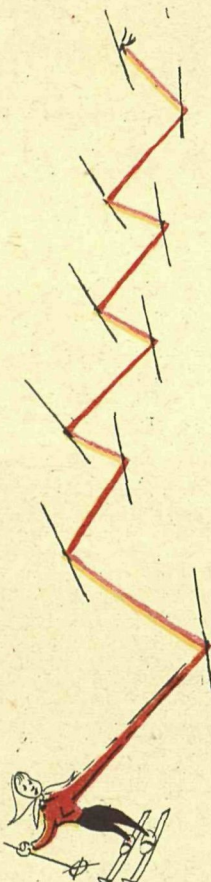
— А про нас, стариков, видно, забыли!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

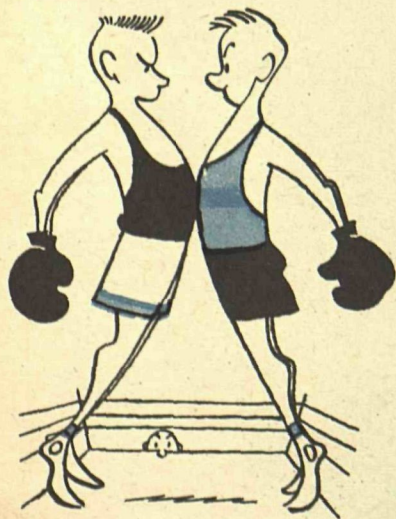

Жонглер-песенник.

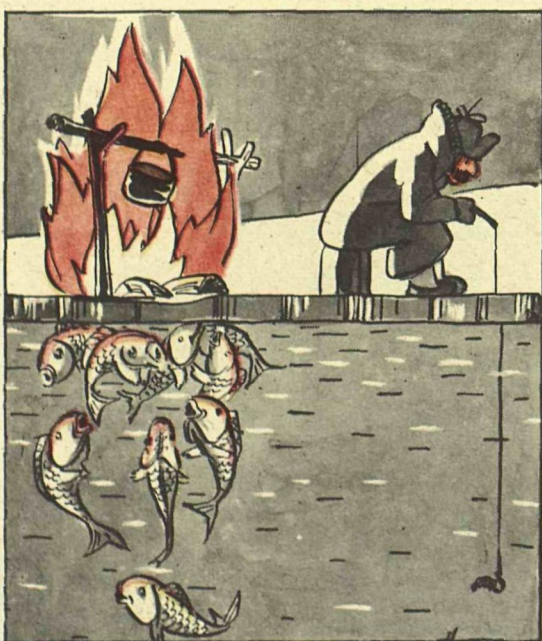

Эластичная кофточка.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

— А ну, вдарь!

Без слов.

Рисунок В. АРСЕНТЬЕВА.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

ПАМЯТНИК СЛАВЫ

ЕСТЬ в Китае старинный город Ханчжоу. Это чудесный город парков, садов, светлых зданий, древних храмов и памятников. Если вы приезжий, вас непременно поведут к памятнику-храму Юе Фэя. Вы увидите внутри большие статуи Юе Фэя и его супруги. У их подножия всегда живые цветы. Вам расскажут: — Очень давно, тысячи лет назад, при одном из императоров Сунской династии был знаменитый полководец Юе Фэй. Бесстрашие, благородство, любовь к родине снискали ему всенародную славу. Он охранял государство от варваров, воинственных соседей Китая. Люди труда пользовались под его защитой покоем. Жена его была умна, красива, добра, и ее тоже любили все простые люди.

Но у Юе Фэя были враги. Они замыслили заговоры против него. Один из приближенных к нему людей, по имени У Сань-гуй, оказался предателем. Он обманул полководца и выдал его свирепым врагам. Юе Фэй и его жена погибли.

Память об Юе Фэе прошла через века и живет поныне. В храме-памятнике всегда толпятся люди. Они стоят в благоговейном молчании и возлагают венки. Потом они выходят и через прекрасный сад идут к воротам. Здесь, приткнувшись к ограде, обнесена высокой железной решеткой небольшая могила. На ней нет цветов. Склонив колени, стоят две каменные фигуры. Они изображают предателя У Сань-гуя и его жену. На стене иероглифы: «Плвать запрещается».

Но хотя и запрещается, а все плюют. Такая сложилась традиция. Почтив благоговейно память великого и благородного Юе Фэя, люди идут и плюют на презренного У Сань-гуя. Его имя не забыто. Оно стало нарицательным, его знает всякий китаец, и в вольном переводе оно звучит: предатель.

Один плевком имеет небольшую ударную силу, но когда миллионы и миллионы китайцев плюют в течение тысяч лет на одну и ту же фигуру, то выраженное таким образом народное презрение обладает разрушительной силой. Плевки сгладили черты лица предателя и его супруги. Мы не могли отклониться от всенародной традиции и тоже послали от имени советских людей свое свидетельство презрения к предателям народа. При нас малые китайские ребята тщились доплюнуть до У Сань-гуя. Они могли только увлажнить землю перед статуями. Ничего, вырастут—доплюнут.

Нас подивила эта неумирающая сила народного презрения, и мы подумали, что плевком может быть оружием более смертоносным, чем пуля или кинжал.

Мы все знаем, что в центре Африки будет воздвигнут величественный, прекрасный памятник герою и мученику конголезского народа Патрису Лумумбе. В сооружении этого памятника примут участие все свободолюбивые народы. Самые талантливые скульпторы и архитекторы будут считать для себя за честь участие в конкурсе на лучший проект. Миллионы людей из всех стран света будут стоять в благоговейном молчании перед этим памятником, и его подножие всегда будет покрыто живыми цветами.

Никогда не изгладится имя Патриса Лумумбы из памяти народов. Но не должна исчезнуть и память о презреннейшем предателе и убийце Даге Хаммаршельде. Почему бы не последовать хорошему китайскому примеру?

Нет нужды ожидать физической смерти Дага-Дога-Гада. Он уже мертв как политический деятель. Пусть будет сооружен памятник и ему, памятник позора. Пусть на приличном расстоянии от величественного монумента Патриса Лумумбы будет отведено место и для каменной статуи Хам-

Многодневные гонки лжецов

Тур де Брех РЕКОРД АБСОЛЮТНЫЙ И ФАНТАСТИЧЕСКИЙ

ПРОГНОЗЫ в спорте — дело рискованное. Всегда можно ошибиться. Вот фаворит, обойдя на полкруга соперников, мчится к заветной черте. Кажется, все ясно, настолько ясно, что фаворитова мама прикидывает, сколько она сэкономит, отказавшись от покупки лаврового листа на рынке. И вдруг острая боль в районе аппендикса валит лидера наземь, и лавры увенчивают другого.

Но все-таки бывают редчай-

шие случаи, когда комментатор может еще задолго до финиша назвать фамилию победителя. Именно такой исключительный случай имел место на пятом этапе многодневных гонок лжецов, когда победителем вышел представитель бельгийского министерства иностранных дел. С полной ответственностью за свои слова мы беремся утверждать, что рекорд бельгийца не будет побит до конца года, а может быть, и до конца столетия. Но расскажем по порядку.

Пятый этап «Тур де бреха» проходил по тонкому льду, что придавало гонкам особую пикантность. Мастера скоростного бреха шли на своих люби-

И ПАМЯТНИК ПОЗОРА

маршеляда. Отдав дань славе великого героя, люди проследуют к памятнику позора и плюнут на него, отдавая заслуженную дань и своему презрению.

Хаммаршельд боится. В Совете Безопасности ООН его окружают телохранители. Стеной встали вокруг него правители империалистических держав. Даг боится пули, кинжала. Напрасно! Ему не угрожает ни свинцовая пуля мстителя, ни благородный кинжал африканского борца за свободу. Ему суждено получить только плевки, и он их будет получать всю свою жизнь, где бы он ни находился. Он будет получать их и после смерти, где бы она его ни настигла.

Этот процесс неумолимого исторического возмездия уже начался. Народы не простят беспримерного предательства. Правительство Советского Союза заявило, что оно не признает Хаммаршельда генеральным секретарем ООН и не будет поддерживать отношений с ним. Точно так же поступили и многие другие правительства.

Как бы ни вытирали батистовыми платками лицо Дага его покровители, оно будет оставаться всегда мокрым.

Патрису Лумумбе вечно жить в памяти народной, быть благородным символом свободной Африки, быть светочем высоких и вдохновенных идей. Имя Лумумбы будет вновь и вновь воскресать в поэмах и романах, в симфониях и операх, в песнях, слаемых народом. А его убийца будет мечтать о забвении, о том, чтоб его имя больше не всплывало ни в газетах, ни в книгах. Но забвение не даровано предателям.

Любое преступление может простить и забыть народ в своем великодушии. Но такого низкого предательства, каким запятнал себя «культурный» Хаммаршельд, никогда не простит народ. Оплеванный с ног до головы, он потащится к себе в Швецию, но и здесь от него отвернутся все

честные люди, и здесь Даг будет, встретясь со случайным прохожим, трусливо закрывать лицо.

Мы говорим все время о Хаммаршельде, хотя он не единственный предатель и не единственный убийца. Но все прочие — все эти чомбе и мобуту — не претендуют на «культуру», на благородство. Это мразь, дешевые бандиты. Они скоро будут забыты, на них нельзя расходовать даже слюну. Другие предатели и организаторы убийства прячутся в кабинетах бельгийского правительства и в правлениях концернов. Этим господ ждет суд истории. Они расплатятся за подлое убийство, когда будут отвечать за все свои преступления: за длительный грабёж Конго, за сотни тысяч замученных на каторжной работе африканских бедняков.

Хаммаршельд выделяется среди них всех. На судебном процессе по делу об убийстве достойнейшего сына Африки и его соратников Хаммаршельду принадлежит первое место на скамье подсудимых.

Он был призван воплотить в себе идею единства народов, их солидарности, их дружбы. Хаммаршельд носит звание, какого не было в мировой истории. Звание блюстителя международного мира, международной справедливости. Веря ему, полагаясь на его слово, Патрис Лумумба обратился к нему за помощью для своего народа. И как подло, как низко обманул Хаммаршельд доверие конголезского народа!

Его преступление выходит за пределы уголовного кодекса. Это — преступление библейского Каина, убившего брата своего Авеля. Библейский бог отметил убийцу особым знаком, чтобы люди узнавали его при встрече и относились к нему как к человеку отверженному, недостойному жить в обществе. Таков и Хаммаршельд — Каин нашего времени. История отметила его, чтобы человечество никогда о нем не забывало. Его ждет участь У Саны-гуя.

ренние дела Конголезского государства, абсолютно не связаны ни с арестом, ни с заключением в тюрьму, ни со смертью бывшего премьер-министра.

Гонки на приз Крокодила рассчитаны на весь год. Распределение призов было назначено лишь на декабрь. Но, учитывая абсолютный и фантастический рекорд, установленный бельгийским министром, судейская коллегия Крокодила постановляет:

присвоить г-ну Виньи звание победителя многодневных гонок «Тур де брех» и наградить Большой Свистулькой, вырезанной из коры иудина дерева.

Гонки продолжатся, но теперь речь идет только о том, кто будет на втором и третьем местах.

Вел репортаж
М. ВИЛЕНСКИЙ.

мых коньках, сделанных из паркерских авторучек. Со старта впереди всех помчался по скользкому пу-и министр иностранных дел Бельгии Пьер Виньи. Его стиль приводит в изумление самых бывалых поклонников этого вида спорта. Лидер петляет, выписывает мудреные вензеля, он боится провалиться, но тем не менее лед трещит и уходит у него из-под ног. За провалом следует пируэт, за пируэтом провал. И когда сильно подмоченный лидер добирается наконец до финиша, даже выдавшие виды зрители издадут дружное «Ох!». Ибо тут только все обнаружили, что оставленные Пьером Виньи следы на льду образуют надпись — текст заявления бельгийского МИДа по поводу убийства Патриса Лумумбы. Заявление гласит:

«Бельгия, верная своей политике невмешательства во внут-

ПОРТУГАЛИЯ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

На разных континентах существуют Португальская Гвинея, Португальская Индия и т. п. Не существует только Португальской Португалии. Собственно Португалия известна в политической литературе под названием Салазаровского Застенка.

ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

На территории П. имеются низменности, возвышенности и пр. географические банальности. Самая низменная точка П. — та, где стоит дворец Сан-Бенто (см.). Горы П. весьма удобны для действий повстанцев; впрочем, самим повстанцам это также известно — в горах Португалии появились первые боевые отряды партизан.

ЖИВОТНЫЙ МИР

В фауне П. преобладают грызуны, хищники, рептилии и моллюски. Встречаются главным образом в салазаровской партии «Национальный союз».

НАСЕЛЕНИЕ

Численность населения самой П., как известно, гораздо меньше, чем ее «заморских провинций»*. Тем не менее Салазар принимает экстренные меры для сокращения населения. Сейчас П. по среднему потреблению калорий сравнялась с Конго, а по заболеваемости туберкулезом и смертности (в том числе детской) вырвалась на первое место в Европе.

ЭКОНОМИКА

Один англичанин подметил, что португальские правители говорят об экономическом положении П. «так же вскользь, как какой-нибудь человек в каком-нибудь лондонском кабаке может случайно сказать, что на Гебридских островах часто бывает грипп».

Эта застенчивость понятна. Среди полезных ископаемых П. — олово, свинец, вольфрам, марганец, урано-радиевые руды. Особенно полезными эти ископаемые оказались в свое время для Гитлера, а сегодня — для заокеанских атомно-водородных бизнесменов. Процветающая распродажа стратегического сырья прекрасно уживается с дружным хищением всех других отраслей португальской экономики — от обработки пробковой коры до ловли сардин включительно.

Однако мнения специалистов в вопросе о самостоятельности португальской экономики нередко расходятся. Вот один из примеров:

«Я предпочитаю вести скромную жизнь, чем подвергать страну новым формам иностранной колонизации» (Салазар).

«Вся экономика Португалии сосредоточена в руках десятка крупных банковских и торговых компаний, в которых преобладает иностранный капитал»

(Газета «Франс-обсерватэр»).

Из П. в ее «заморские провинции» вывозятся в широком ассортименте предметы колониального инвентаря: дубинки, карабины, хлысты, гранаты со слезоточивым газом и т. п., — а также ракетки для пинг-понга (см. спорт).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ

По столь же точному, сколь и достоверному определению корреспондента американской газеты «Крисчен сайенс монитор» Нейта Уайта, «государственный аппарат Португалии представляет собою шпионскую сеть».

ПРОСВЕЩЕНИЕ

По проценту неграмотных П. уверенно опережает другие страны Европы. Это лидерство надежно обеспечивается той десятой частью хилого национального бюджета Португалии, которая идет на образование. В настоящее время Салазара занимает идея довести

* Примечание. Такие слова, как «колонии» и «империя», вычеркнуты из португальских словарей, изъяты из обиходной речи, запрещены и ликвидированы.

неграмотность в метрополии до уровня «заморских провинций», то есть до 97%. Не следует, однако, забывать, что эта цифра является продуктом пятисотлетней цивилизаторской миссии португальцев, а Салазар не располагает таким временем.

СПОРТ

Диктатура поощряет самые необычные и экстравагантные виды спорта.

Всячески культивируется так наз. пинг-понг (в просторечии — «бастинадо»). «Эта традиционная португальская пытка, — сообщает Дж. Скиннер в английской газете «Скотсмен», — заключается в том, что пытаемого бьют по ладоням и ступням ракеткой от настольного тенниса; такая пытка делает человека навсегда инвалидом».

Из спортивных упражнений, принятых при дворе диктатора, можно отметить приседания и подползание по-пластунски.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Осуществляется в П. главным образом холодным и огнестрельным оружием. С особенным усердием проводится во время (а также до и после) избирательных кампаний, когда тюремные камеры уже не вмещают десятков тысяч португальцев. В результате, как отмечает (позабыв о чувстве юмора) лондонская «Таймс», «Португалия наслаждается политическим миром».

В «заморских провинциях» недовольных вразумляют не менее прямолинейно. Недавно один мозамбикский чиновник гневно опроверг слухи о расстреле 30 африканцев, решительно заявив: «Убитых никогда не бывает меньше двухсот».

Образцово-показательная страна «свободного мира», П. является идеалом и гордостью западных демократий, как бы тщательно эти чувства ни скрывались.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Основная цель внешней политики П. сводится к тому, чтобы ликвидировать внешнюю политику П. Эту цель можно считать на сегодняшний день почти достигнутой. Треть своего бюджета П. тратит на «атлантические» цели. П. самоотверженно кидается во все без исключения авантюры атлантических стратегов.

Таким образом, внешняя политика П. является сугубо внутренним делом руководителей Атлантического блока.

ДВОРЕЦ САН-БЕНТО

Дворец Сан-Бенто — жилплощадь Антонио де Оливейра Салазара, «престарелого португальского двойника Гитлера, Муссолини и Франко» (газета «Франс ну-вель»).

Салазар родился в апреле 1889 года в семье трактирщика. Учился в иезуитской школе. Тридцать три года он правит «республикой» как опытный трактирщик и знающий иезуит.

Салазар не таков, чтобы цепляться за власть. «Власть утомляет, изнуряет и не доставляет радости тому, кто несет ее бремя», — говорит он. «Я готов в любое время уйти в отставку», — повторяет он. Тридцать три года Салазар томится и изнуряет себя на посту диктатора, по-видимому, только потому, что он, будучи профессором экономики Коимбрского университета, все эти годы находится в академическом отпуске. Надо же чем-то заниматься!

Вопреки всяким ожиданиям, Салазара преследует по пятам людская неблагодарность. Западногерманский журналист Ганс Кемпски, побывавший недавно в П., замечает: «Португальцы не хотят идти за Салазаром, так как они желают жить по-другому».

Ко всему прочему Салазару не обеспечивают во дворце Сан-Бенто даже элементарных удобств. Например, сидеть ему приходится, по выражению лондонской «Таймс», на «бомбе замедленного действия».

КЛИМАТ

В последние месяцы и недели климатические условия как в самой П., так и в «заморских провинциях» заметно посуровели. В спертую и душную атмосферу полицейской катажалки врываются свежие ветры, веяния и поветрия. Под дворцом Сан-Бенто все явственнее ощущаются подземные толчки. Несколькими неделями назад в открытом море разразился смерч, от которого дворец закрипел и зашатался: это «Санта Марья» прошла курсом свободы.

Антонио де Оливейра Салазар плохо переносит это изменение климата; стало известно, что он ведет сейчас более уединенный образ жизни, чем обычно.

Но это еще не то уединение, на которое он смело может рассчитывать.

Из Малой Крокодильской Энциклопедии выписал
А. ВИХРЕВ.

Оба против

Лейборист Эмрис Хьюз представляет в английской палате общин округ, где родился и жил великий шотландский поэт Роберт Бернс. Вот почему Крокодил решил обратиться к английскому парламентарии с вопросом: «Как вы думаете, что сказал бы Роберт Бернс по поводу предоставления в Холи-Лох (Шотландия) базы для американских подводных лодок?» Эмрис Хьюз без задержки откликнулся на нашу просьбу, прислав нижеследующую сценку.

Действующие лица:

Роберт БЕРНС, поэт.
Джордж ВАШИНГТОН, первый американский президент.
Место действия — на том свете.

БЕРНС. Вы слышали, американское правительство присвоило ваше имя новой подводной лодке?

ВАШИНГТОН. Слышал. Что поделаешь, мы уже не в состоянии защититься от оскорблений, которые наносят нам потомки.

БЕРНС. В данном случае ваши потомки оскорбили не столько вас, сколько моих потомков. Штаты собираются послать в Холи-Лох подводку «Джордж Вашингтон», вооруженную ракетами «Шоларис».

ВАШИНГТОН. Да, времена меняются. Нам приходилось сражаться за независимость, против английского короля Георга III, а теперь мы сами, кажется, устанавливаем свое господство в Британии.

БЕРНС. Но я с радостью убеждаюсь, что шотландцы не хотят видеть «Джорджа Вашингтона» в Шотландии. Вы уж извините, конечно.

ВАШИНГТОН. Я их понимаю. Они совершенно правы. Будь я шотландцем, я бы кричал вместе с ними: «Не хотим «Джорджа Вашингтона!»»

БЕРНС. В мои времена нам всегда внушали, что мы должны сражаться с французами. Теперь нам твердят, что мы должны воевать с русскими. А зачем, скажите мне на милость, шотландцам воевать с русскими? Что мы не поделили?

ВАШИНГТОН. Сколько я ни ломаю себе голову, никак не могу понять, почему американ-

цы должны воевать с русскими. Так что отправка подводки, носящей мое имя, в Шотландию, на мой взгляд, изрядное нахальство.

БЕРНС. Вы, вероятно, помните, что я писал сатирические антивоенные стихи. Но наши войны — это детские игрушки по сравнению с нынешними.

ВАШИНГТОН. Бесспорно. Мне рассказывали об одном глупом американском генерале, который расхвастался, будто «Джордж Вашингтон» сможет своими ракетами уничтожить крупнейшие города России. Как будто он не знает, что при этом он тоже будет сметен с лица земли. Не могу понять, что страшилось с моей Америкой. Боюсь, если бы я жил в сегодняшней Америке, меня бы, вероятно, улекли в тюрьму.

БЕРНС. Очень жаль, что отсюда не доходят телеграммы на землю. Не могу смириться с мыслью, что моей Шотландии угрожает гибель в войне, которую готовят тлупцы.

ВАШИНГТОН. А я — с тем, что скудоумные джентльмены внушают американскому народу вздорную мысль о выгодах самоубийственной войны. Ах, как бы мне хотелось послать президенту телеграмму с требованием замазать мое имя, начертанное на борту подводки!

БЕРНС. А я бы послал Макмиллану, шотландцу по происхождению, такую телеграмму: «Только тот любит Шотландию, кто не потерпит пребывания «Джорджа Вашингтона» в Холи-Лох!»

Эмрис ХЬЮЗ

Лондон.

Рисунок А. ГОЛУБЕВА (г. Иваново).

— Сегодня наши суда опять не смогут выйти в море: в порту волнение.

Нейлоновая шубка

ПРОДОЛЖЕНИЕ

НОВЕЛЛЫ

О КРАСАВИЦЕ-ТУНЕЯДКЕ ИНГЕ ФЕДОРОВНЕ

Глава девятая

Цепная реакция. На дымящихся развалинах. Среди творений Жакоба, Фишера и Шмидта. Моральная депрессия.

Читатель, вероятно, заметил, что нейлоновую шубку пока еще никто не носил. Ее только покупали. Не обновила покупку и Инга Федоровна. На то были свои веские причины: семья адвоката Сугоняева постигла катастрофа.

Василий Петрович не рассчитал своих сил. Он наивно полагал, что нейлоновая шубка на некоторое время умерит аппетиты жены.

Адвокат жаждал передышки. Его бюджет был сильно подорван и нуждался в срочном оздоровлении.

Но желанной передышки Сугоняев не получил. Покупка шубки повлекла за собой другие расходы: Ингушону потребовалась новая шляпка. Но шляпка является лишь частью ансамбля, одним из его компонентов. Ансамбль же, как свидетельствуют журналы мод и бесплатные советы портных на страницах вечерних газет, состоит обычно из туфель, перчаток, не считая соответствующего гарнитура украшений. Но новые туфли предполагали и новое платье. А платье... Словом, этому не было конца. Началась неотвратимая цепная реакция. Бюджет несчастного Сугоняева взорвался.

Сидя на дымящихся развалинах, адвокат мучительно размышлял над тем, как бы восстановить былое благополучие. Будущее не сулило процветания. Впереди была тяжелая финансовая ночь.

Атмосфера в доме Сугоняевых донельзя накалилась. Инга Федоровна открыто бунтовала. Адвокат не без основания подозревал, что в один прекрасный день она обменяет дымящиеся развалины на более комфортабельное жилище. После изнурительного боя с собственной совестью адвокат решился на некрасивую махинацию. Он начал получать гонорар от своих клиентов, минуя кассу юридической консультации. Это дало возможность Сугоняеву продержаться еще несколько месяцев, а ненасытной Ингушке купить оригинальное платье из шерсти с двухдюймовым начесом.

Развязка наступила неожиданно. К секретарю юридической консультации попало письмо, адресованное адвокату. В нем клиент сообщал, что выслал гонорар на почтамт до востребования.

Коллеги-юристы потянули Сугоняева к ответу. Дело разбиралось на общем собрании. Ораторский дым стоял коромыслом. В роли обвинителей адвокаты показали себя даже лучше, чем в роли защитников. Сугоняев был подвергнут ostracism. Адвокаты потребовали изгнания его из юридической консультации.

Сугоняев пришел домой измочаленный и жалкий.

— Со мной все покончено, — сказал он. — Приливная волна цунами подняла меня на свой гребень и шваркнула о дебаркадер. У меня сломан хребет!

И в трагические минуты Сугоняев не забывал щегольнуть образной фразой.

— Я больше не существую! — продолжал он. — Отныне я ничто.

— Зачем ты это сделал? — с великолепной наивностью спросила Инга Федоровна.

— И ты, Брут! — укоризненно молвил адвокат.

— Я не Брут, — сказала Ингушка. — Я всего-навсего молодая женщина. Я хочу жить. Мне надоело мытариться, нищенствовать...

— Ты нищая духом! — сказал адвокат. — Ты бросишь меня на обломках.

Адвокат почувствовал, что теперь ее не удержишь никакими, пусть даже самыми красивыми чувствами и словами.

— Подлая ты баба, вот кто ты! — сказал адвокат и лег на тахту лицом вниз.

Ровно через месяц Инга Федоровна ушла от Сугоняева. Его увлекся старик Палашов, известный среди адвокатов как бабник и цивилист.

Все началось с посещения его квартиры. Палашов вознамерился познакомить Ингу Федоровну со старинной мебелью, с творениями Жакоба, Фишера и Шмидта. Грузный, начавший уже сдавать адвокат показывал Ингушке свои сокровища. В столовой стоял типичный ренессанс: затейливые стулья, буфет с карнизом, полуколоннами и объемной резьбой, изображавшей фантастических животных. В резьбе было на два пальца пыли.

— Нет хозяйки, — вздыхал Палашов, и его большие, вислые, как у таксы, уши, поросшие седым мхом, раскачивались в разные стороны.

Кабинет был обставлен типичным Жакобом — мебелью красного дерева с медными прожилками. В спальне воображение Инги Федоровны поразил кровать с могучей панцирной сеткой. В такую кровать, вероятно, следовало ложиться с мечом в руках.

Старик Палашов намекал, что, помимо творений фабрикантов Жакоба, Фишера и Шмидта, у него еще кое-что припасено для любимого существа.

Инга Федоровна осталась у Палашова. Она подарила ему три месяца столь жаркой любви, что старик отправился путешествовать в те отдаленные края, где мебель человеку не нужна. Согласно свидетельству богословов, человек там довольствуется парой крыльев, пальмовой ветвью и сиянием вокруг головы, размер которого примерно идентичен размеру шляпы.

Жакоб и прочие ценности перешли к старой жене, так как старик Палашов из-за любовной горячки не успел оформить свои матримониальные дела.

Инге Федоровне пришлось спешно съезжать с квартиры. Она сняла угол. Пришли тяжелые времена. Несмотря на редкую красоту, на удивительное обаяние, на умение давать счастье близкому человеку, несмотря на природные данные и благоприобретенные качества, почему-то не находились охотники взять ее на свое иждивение. Такое загадочное поведение мужской части населения земного шара вызывало у Инги Федоровны искреннее изумление.

— Что стало с мужчинами? — спрашивала она у хозяйки угла Клаши.

— После войны они какие-то ненормальные, — отвечала Клаша, чтобы как-нибудь успокоить жилищу. — Они живут только для себя.

— Может быть, я подурнела?

— Вы же писаная красавица! С таких только картины и пишут!

Прошло еще несколько месяцев. Инга Федоровна начала продавать содержимое своего гардероба. Это было страшным испытанием. Она любила носильные вещи возвышенной, неземной любовью. Она поклонялась им точно так, как дикари поклонялись деревьям, камням и солнцу. Покупка даже самого незначительного предмета дамского обихода, ну, скажем, шелковой тесемки, была для нее маленьким праздником. Большим праздником, отмеченным красными цифрами в ее душевном календаре, была покупка платья, костюмов, туфель и пальто. Даты таких приобретенных становились памятными. Подобно любящей матери, которая говорит: «Это было в сентябре 1935-го, когда Гриша болел корью», — Инга Федоровна вспоминала: «Это было в сентябре 1935 года, когда я купила вишневы босоножки».

Инга Федоровна была деморализована. Чуть ли не еженедельно ей приходилось продавать какую-нибудь тряпку. Каждый поход в комиссионный магазин сопровождался великим плачем и стенаниями.

НОВЕЛЛА

О НЕИСТОВОМ

СПЕКУЛЯНТЕ

Глава десятая

Операция «Мимоза». Ребенок Генриетта и метель молота. Помидорный поезд. Антикомитент. Шубка переходит в новые руки.

Шалва Константинович Гогоберашвили был высоким и стройным, как пирамидальный тополь. Его талии могла бы позавидовать профессиональная балерина, а голубоватой седине — благородный опереточный отец. Помимо талии и седины, Гогоберашвили обладал еще многими другими достоинствами. Несмотря на свои шестьдесят шесть лет, он мог не вставать из-за пиришественного стола восемь часов кряду — полный рабочий день. Если он прихватывал и ночь, что тоже случалось довольно часто, то утром опохмелялся доброй миской мацони, принесенной из погребца, и стаканом сухого вина, после чего становился свежим, как цветок, омытый росой.

Многочисленный род Гогоберашвили гордился своими чаеводами, энергетиками, сталеварами, летчиками, был у них и знаменитый математик. Все Гогоберашвили трудились в поте лица, один лишь Шалва Константинович не снимал номерка с табельной доски.

— Пусть его снимают дураки, я проживу и так! — говорил он.

— За всю жизнь ты толком не проработал ни одного дня! — возмущались родичи.

— Э-ээ, к чему эти упреки? — удивлялся Шалва Константинович. — Разве я не работал с цитрусовыми и шерстяным трикотажем? С лавровым листом и швейными машинами? Со скобяным товаром и мимозой?

— Какая же это работа?

— Нет, как это вам нравится! Вы думаете, легко, скажем, в наше суровое время зафрахтовать самолет «Гражданского флота», чтобы отвезти в Москву мимозу к празднику трудящихся женщин — 8 Марта? Во всяком случае, это значительно труднее, чем пилить на скрипке или сидеть у электронной счетной машины, как дядюшка Шота, и ждать, пока она решит за тебя математическую задачу! У меня нет электронных машин и полупроводников. Когда Шалва решает задачи, сохнет его собственный мозг. Операция «Мимоза»! Что вы знаете о ней? Я боролся за эти цветы, как витязь, только с той разницей, что на мне не было тигровой шкуры. Сначала надо было достать мимозу. Потом купить все места на «ИЛ-14». Когда оставшиеся без билета командированные увидели, что вместо людей на самолет грузят цветы, поднялся невероятный скандал. Мне чудом удалось оторваться от земли. Но это не все. В Москве надо было подготовить группу нетрудящихся женщин, чтобы выбросить на улицы праздничный товар. И все это сделал я один, без секретаря-машинистки, без главбуха, без инкассатора и без месткома! А вы говорите: я не работаю!

— Ты плохо кончишь, Шалва! — предсказывали родичи.

— Все мы плохо кончим. Все мы в положенный срок будем удобрять землю, включимся, как говорит дядюшка Шота, в великий круговорот природы.

Таково было житейское и философское кредо Шалвы Константиновича.

В последние годы наблюдался спад деловой активности фирмы Гогоберашвили. Фирма сворачивала операции. Шалва стал осторожнее.

— Я не хочу рисковать, — признавался он своему другу Ираклию. — Не так уж мне много осталось ходить по земле, чтобы поступать безрассудно. Мне как-то не хочется провесты остаток своих дней на выборной должности — старосты тюремной камеры.

— А как ты будешь жить? На какие шиши? Или ты надеешься, что скоро начнут давать пенсию за многолетнюю безупречную торговлю изпод полы?

— Я надеюсь на неприкосновенность вкладов. Она гарантирована государством! — безмятежно отвечал Гогоберашвили.

Уйдя в личную жизнь, старый спекулянт занялся вплотную своим ребенком — дочкой Генри-

еттой. Ребенок внешне не походил на отца. Генриетта весила 80 килограммов, и обхват ее талии равнялся без малого метру 10 сантиметрам. Если к этому добавить, что она унаследовала от покойницы матери заячью губу, сварливый характер и непобедимую уверенность в своей неотразимости, то можно легко себе представить всю тяжесть отцовской миссии.

После многолетних поисков, сопровождавшихся нездоровой рекламой приданого, Шалва Константинович нашел жениха. Будущий зять официально числился бухгалтером на ремонтно-механическом заводе, хотя никогда не держал в руках гроссбуха. Лжебухгалтер защищал спортивную честь завода на зеленом поле стадиона. Он имел лишь одну специальность — спортивную. Жених умел хорошо метать молот.

Сначала это несколько обескуражило Шалву Константиновича.

— Метатель молота! Что это значит? Зачем его нужно метать? И почему именно молот, а не наковальню?

Жених снисходительно улыбнулся.

— Никогда не произносите таких слов вслух, Шалва Константинович! Не показывайте людям свою, извините, спортивную безграмотность. В вашем представлении молот — это железная кувалда. Между тем это снаряд, состоящий из ядра, тяги и ручки.

— Такое объяснение меня сильно успокоило, — не остался в долгу Гогоберашвили. — Предположим, что человечеству этот вид спорта крайне необходим. Если человечество не будет метать молот, погибнет цивилизация. Но у меня возник другой вопрос: разве можно строить семейную жизнь, свой бюджет в зависимости от того, как далеко вы закинете молот?

— Я надеюсь, вы будете помогать нам, — без обиняков сказал жених. — И сильно помогать! — Ясно! — помрачнел Гогоберашвили. — Дочь Шалвы Константиновича никогда ни в чем не нуждалась. Но я не бессмертен. Что вы станете делать, когда меня погрузят на катафалк?

— К тому времени я стану тренером, — успокоил метатель будущего тестя.

В отличие от отца Генриетте жених понравился с первого взгляда и по всем статьям.

— Метатель — редкая спортивная специальность, — авторитетно заявила Генриетта. — И молот — не менее важно, чем бег через барьеры или стрельба по тарелочкам.

Свадьбу Шалва Константинович замыслил как некое грандиозное, эпохальное семейное торжество, одну из самых великих частных пирушек современности. Свадьба должна была унижить и поразить всех остальных Гогоберашвили, третиравших старого спекулянта.

— Посмотрим, что скажут наши прославленные чаеводы и профессора, когда узнают, что стол был сервирован на двести человек! Что запоют эти честные труженики, когда два оркестра, смеяная друг друга, начнут исполнять балльные и другие танцы, а тамада — провозглашать тосты через микрофон, потому что свадебный стол будет радиофицирован!

Программа матримониальных торжеств влекла за собой опустошительные расходы. Шалва Константинович почувствовал, что без серьезной торговой операции ему не обойтись.

— Я еду в Москву, — сказал он другу. — Весь вопрос в том, что везти и что продавать. В последние годы я оторвался от Центрального рынка.

— В данное время года должны хорошо пойти помидоры.

— Это идея! Только где взять вагоны? На министра Бещева я не надеюсь. Большегрузных платформ он не даст, холодильников — тоже.

— Пусть хозяйственники вымалывают вагоны. Ты же можешь нанять грузовое такси... В прошлом году такси от Тбилиси до Москвы стоило десять тысяч. Грузишь четыре с половиной тонны томатов, и продаешь в Москве по пятнадцать рублей за килограмм.

В душе Шалвы Константиновича забили барабаны. Труба звала в торговый поход. Недолго думая, он выбил лентку у своей сборкнижки. Хлынул металл. Опорожнив выигрышный вклад, он нанял три такси.

Пока машины загружались товаром, Шалва Константинович бражничал на квартире у хозяина томатов. Провозглашались тосты за успех операции, сверхприбыли, дочь Генриетту, метателя молота, счастливую жизнь будущих молодоженов, потенциальных внуков, правнуков и даже за то, чтобы гвозди не попадались на трассе пробега и баллоны без проколов дошли до Москвы.

После пирушки, несмотря на изрядное количество термоядерной чачи, принятой вовнутрь, Шалва Константинович нашел в себе силы осмотреть содержимое грузовиков. В кузовах трех машин лежали томаты — упругие, налитые соком, без единого пятнышка, вмятины, изъяна, плоды-близнецы, будто их отштамповала на своем чудесном конвейере солнечная машина.

— Дойдут? — спросил на всякий случай Гогоберашвили.

— Товар — прима! — поцеловал свои пальцы сын хозяина, грузивший помидоры. — Дойдут до Северного полюса и даже дальше.

— Дальше не надо! — весело ответил Шалва Константинович.

Помидорный поезд двинулся в Москву. Он шел на предельной скорости. Шалва Константинович торопил водителей. Дорога была каждая минута. Летом цены на овощи непрерывно снижались.

Шалва Константинович прибыл в столицу ночью. Автопоезд беспрепятственно пересек город и остановился в переулке, погруженном в сиреневую мглу.

— Шебалинский тупик — конечная остановка, — возвестил начальник томатной экспедиции.

Через минуту Шалва Константинович уже стоял перед дверью квартиры доктора физико-математических наук Шота Читашвили. Ему открыл сам дядюшка Шота.

— Ах, это ты, Шалва! — без особого энтузиазма сказал математик. — Какой поезд приходит из Тбилиси так поздно?

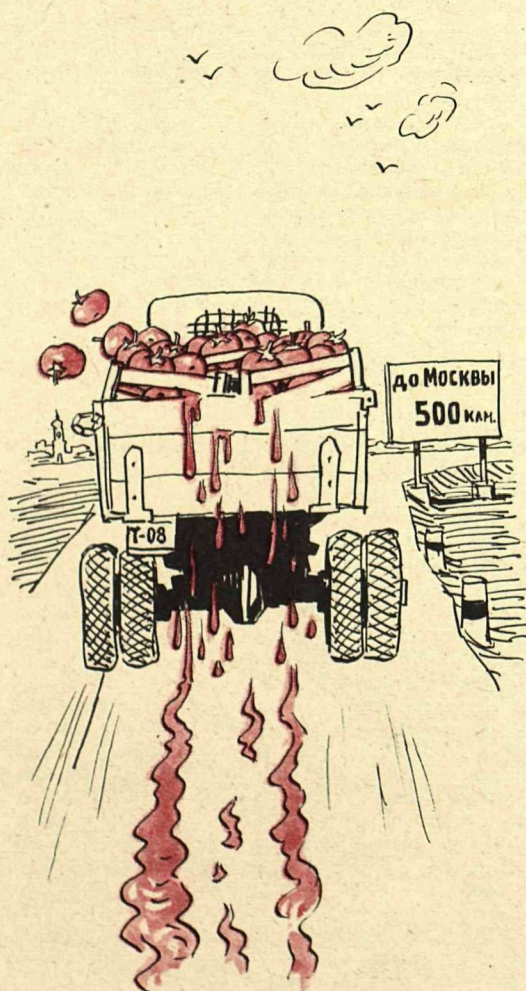
— Я на машине, — ответил Шалва. — Разрешите поставить во дворе три полуторки.

— Ты опять взялся за старое? — недружелюбно спросил профессор.

— Упаси бог! — соврал Шалва. — Я ведь на службе. В «Кахетинминснабсбыте». Тебе не рассказывали?

— «Кахетинснабсбытмин», — спутал математик. — Что это за организация?

— О, это трест с большим будущим! В Кахети нашли минеральный источник типа нарзана. Огромный дебит воды. Ученые подсчитали, что ее запасов хватит на триста лет, если ежедневно сто тысяч человек будут выпивать по три бутылки!

— А ты не врешь?

— Чтоб мне не сойти с этого места! Чтоб мне не видеть внуков, если мы не снабжаем кахетинским нарзаном весь Дальний Восток, включая Южный Сахалин и Курилы!

— Что же ты делаешь в Москве?

— Видишь ли, наша организация шефствует над подмосковным детским домом сто шестьдесят семь дробь восемнадцать. Я и привез им в подарок ранние помидоры, которые мы вырастили в своем коллективном саду.

Трогательная забота о подшефных малютах умилила старого ученого, и он оставил у себя неприятного гостя.

...Шалва Константинович хорошо поспал остаток ночи. Он проснулся в одиннадцать часов. Он вышел во двор. Шоферы, не выключив счетчиков, ушли завтракать. Гогоберашвили проследовал на улицу. У магазинов толпились люди. Завяжи срывали пломбы, открывали замки, из магазинов выходили заспанные сторожа с охотничьими ружьями за плечами. И тут Шалва Константинович вспомнил о подарке дочери. Он зашел в первую попавшуюся на глаза комиссионку. Потолкавшись у прилавков, заглянул за фанерную перегородку.

В закуске было тихо. Веня-музыкант в ожидании сдатчиков читал в «Вечерней Москве» заметки орнитолога. Матильда Семеновна дремала на стуле, сложив под бюстом руки, окантованные бра-слетами.

— Скажите, пожалуйста, можно ли купить в этом доме подарок? — спросил Шалва Константинович.

— Здесь нет продажи, — сухо ответил Веня-музыкант. — Мы принимаем только комитентов.

— Комитент, абитуриент, экспонент — на свете много красивых слов. Мне это известно из уроков преподавателя литературы в реальном училище. Кстати, что такое комитент?

— Лицо, сдающее нам вещи, — пояснил Веня.

— А как по-иностранному называется лицо, дающее вам деньги? Ведь в данную минуту я ничего не сдаю. Я только покупаю. Поэтому прошу считать меня антикомитентом, который желает купить за хорошие деньги хорошую вещь!

— Люблю остроумных людей! — смягчился Веня-музыкант. — Какой вас интересует подарок?

— Для кого? — уточнила Матильда Семеновна.

— Для невесты, конкретнее, для моей единственной дочери.

— Имеется чудесный фигурный панбархат, — сказала Матильда Семеновна, вынимая из-под прилавка отрез.

— Такую мануфактуру можно купить в Очамчире. Не стоило из-за этого ездить в столицу.

— Я вижу, вы человек понимающий, — сказал Веня. — У меня есть одна экстра-вещь. Тряпка, достойная царицы Тамары.

— Так в чем же дело? Зачем мы устраиваем говорильню, как в десятом комитете Генеральной Ассамблеи?

— Как вам объяснить? Создалась щепетильная ситуация, — конфиденциально сообщил Веня. — Нейлоновая шубка обещана одному знаменитому тенору. Я не буду называть его фамилию, только скажу, что за один концерт он получает четыре ставки! Пожилой тенор хочет сделать подарок молодой жене.

— Я не знаменитый пожилой тенор. Но я и не студент, который живет на стипендию. Если вещь мне понравится, мы постараемся сообща забыть вашего Карузо. К тому же как я могу обидеть женщину с такой королевской фигурой? — сказал Шалва Константинович, с удовольствием разглядывая пышные формы Матильды Семеновны.

— Ай, идите вы! — рассмеялась Матильда Семеновна. — Я ужасно боюсь пожилых мужчин. В Гагре они мне проходу не давали.

— Что вы! Это вы не давали им проходу! Как можно спокойно пройти мимо такой женщины?!

Тем временем Веня-музыкант выложил на прилавок нейлоновую шубку. После беглого осмотра Шалва Константинович бросил:

— Берем!

— А тенор?

— Соемся с вами и без тенора.

Гогоберашвили уплатил пять с половиной тысяч и унес шубку на квартиру к профессору Читашвили.

Затем он назначил свидание Евфросинье Архиповне, даме, посвятившей свою жизнь торговле дефицитными товарами. Она стояла во главе «сбытовой артели», укомплектованной горластыми, нахальными бабами и двумя лжеинвалидами.

(Продолжение следует.)

Чего его левая нога хочет.

Нарочно не придумаешь

«Я нижеподписавшийся Лазарев Николай Михайлович, мастер Горьковского металлургического завода, находящийся в командировке в г. Новосибирске, настоящим подтверждаю, что край стекла размером 150×170 мм на письменном столе номера 201 повредил я в процессе работы. Ответственность за повреждение стекла принимаю на себя. Счет за стекло прошу предъявить моему заводу главному инженеру завода т. Стругатскому Л. П.»

(Из объяснительной записки в Центральную гостиницу г. Новосибирска).

Копию снял Л. ОРЛОВ.

«Гр. Климанов поставил себя в квартире так, что сразу же упал в глазах соседей».

(Из заявления).

«Есть любовь и влюбление. Влюбление в другую может сочетаться с любовью к своей жене».

(Из показаний ответчика по делу о расторжении брака).

«Гр. Голошина постоянно занимается угрызением моей совести».

(Из искового заявления).

Собрал А. КОЛОМИН.

Рекомендация

«Мы знаем гражданина Селезнева...»
 (Прости, не помню даты, как всегда...
 Тебя я знаю с года-то какого!
 Ах, разве только с нынешнего! М-да.)
 «Мы знаем гражданина Селезнева
 Уже отрезок времени большой.
 Тов. Селезнев работает толково...»
 (Ты, кстати, ходишь в должности какой?
 Ах, слесарь! Как же, помню! Будь уверен!
 Иначе мне, дружок, нельзя никак.
 Я просто лишний раз себя проверил...
 Ну, что ж, напишем дальше, если так.)
 «Квалифицирован. Профессией владеет».
 (Разряд-то есть! Четвертый! Хорошо.)
 «К общественной работе тяготеет
 И к технике относится с душой.
 Учитывая сказанное выше...»
 (Растут у нас товарищи, растут!)
 «Рекомендуем...» (Подскажи-ка, слышишь...
 Ах, верно!..)

«...в медицинский институт».

Мих. РАСКАТОВ

НЕУГОМОННЫЙ СКЛОЧНИК

Домыслов и вымыслов вяжет кружева,
 Сплетнями и слухами забита голова...
 Сколько бы здоровья
 он людям мог сберечь,
 Если потерял бы вдруг
 разом слух и речь!

В. ПОПОВ

Что нового в сатирическом цехе

А. КАНЕВСКИЙ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РИСУНКИ

«А. Каневский. ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РИСУНКИ» — только всего и сказано на обложке альбома, выпущенного Крокодилом. Но больше ничего и не нужно. Разглядывайте и улыбайтесь.

«ЗЕЛЕНОМУ ВЕДРУ» Н. Баженова присвоен в «Библиотеке Крокодила» инвентарный номер 2. А в том ведре — самовлюбленный «Жених» и прочие бросовые людишки.

«КВАРТИРА № 3» отделялась особенно тщательно. Она предназначалась для... Да что там долго говорить! Прочитайте первую книжку «Библиотеки Вожыка» за 1961 год — и сами все узнаете. Автор этого сборника юморесок — бывшая партизанская связная, а ныне белорусская писательница Лидия Арабей.

«И ВСЕРЬЕЗ И В ШУТКУ» о важном и смешном поведал читателям украинский писатель С. Воскресенко. Книга выпущена издательством «Молодь».

«РАЗНЫЕ РАЗНОСТИ» можно прочитать на каракалпакском языке в сборнике юмористических и сатирических рассказов К. Аимбетова. Его представил читателям Каракалпакгиз.

«МЫ ГДЕ-ТО ВСТРЕЧАЛИСЬ» — припомнил некоторые малоприятные знакомства барнаульский писатель В. Чиликин. Припомнил — и написал цикл рассказов о «героях не нашего времени». Читателей же познакомило с ним Алтайское книжное издательство.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 01242. Изд. № 553.

Подписано к печати 27/II 1961 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 569.

1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

12

9 МАР 1961

139

82270с

На совещании передовиков сельского хозяйства областей и автономных республик Центра Российской Федерации Н. С. Хрущев высмеял попытки пропагандировать как открытие так называемый веточный корм.

ЕЩЕ ОДИН РЕЗЕРВ ВЕТОЧНОГО КОРМА.

Всесоюзная
Книжная палата
контрол. экзempl.
1961 г.

Цена номера 12 коп.

Пособие художников КУКРЫНИКСЫ для горе-руководителей.